

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 821.161.1

Г. В. КОСЯКОВОмский государственный
педагогический университет

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МЕТАФИЗИКА ЛОГОСА В ЛИРИКЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Статья посвящена изучению мирообраза Логоса в лирике М. Ю. Лермонтова и приурочена к 200-летию со дня рождения поэта. В работе рассматриваются магистральные образные представления русского романтика о звуке, созвучье, слове и песне как формах диалога имманентного и трансцендентного миров. В статье осмысляются художественная онтология и антропология русского романтика, духовные искания которого помогают понять национальное своеобразие русской культуры.

Ключевые слова: романтизм, двоемирие, художественная онтология и антропология.

В русской культуре слово выступает парадигмальным ценностным, метафизическим основанием. Художественные представления русских романтиков о метафизике слова обращают к христианскому восприятию Логоса как творящей, спасающей и преображающей силы, исходящей от трех ипостасей Бога: «Словом Господа сотворены небеса...» (Пс. 32: 6). Именно слово, наряду с мыслью и творчеством, в православной культуре служит знаком богоподобности человека, его царственного положения в земной природе. Слово, подобно таинству евхаристии, образует духовную соборность Церкви, Царствия Божиего.

В лирике Лермонтова (1814 – 1841) художественная метафизика слова развивается через образные представления о звуке, «созвучье», слове, песне,

которые служат формой духовной связи лирического героя и трансцендентной сферы, Бога. Слово в творчестве русского романтика проясняет процесс самопознания, познания мира и богопознания. Для русского романтика характерен пристальный интерес к слову, произносимому, рождающемуся, к слову песни, когда оно приобретает дополнительное контекстуальное и ритмомелодическое значение. Произнесение слова в лирике поэта проясняет его сакральную, теургическую основу, подчеркивая богоподобную природу человека. Наряду с этим, слово предстает и способом миромоделирования.

К. И. Арабажин подчеркивал: «Всю жизнь звучали Лермонтову дрожащие напевы неведомой мелодии и казались ему звуками иного мира» [1, с. 432]. Данное положение требует логического продолже-

ния, ибо песня матери в лирике поэта проявляет в своей мифопоэтической образности софийное начало мира, связанное с Богородицей. Песня в лирике русского романтика производит на душу лирического героя благодатное воздействие, сопоставимое с молитвой:

Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас [2, с. 75].
«Кавказ» (1830)

«Розовый» свет неба символизирует охранительную софийную силу, которая просветляет не только открытую ему степь, но и душу лирического героя. Уже в ранней лирике поэта в пейзаже утверждается синтез земного и небесного через материнское начало, несущее покой и утешение. С одной стороны, пейзаж в рассматриваемом произведении поэта окрашен в романтические тона, с другой стороны, в нем проступают религиозные мотивы. Песня в данной ранней элегии неразрывно связана с мотивом любви: с любовью к матери, с первой детской влюбленностью. Песня соединяет главные жизненные ценности — любовь, естественность и красоту. Песня окрашена в грустные тона, так как романтический идеал недостижим в действительности.

В элегии «Ангел» (1831) Лермонтова раскрываются поэтические представления о воспоминаниях бессмертной души своего бытия до земного воплощения:

И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой [2, с. 239].

Песня определена эпитетами «тихая», «святая» и «непритворна», так как в ней проявлены гармония, блаженство и красота божественного мира. Все в мироздании «внимает», проявляет высшую форму восприимчивости к этой песне ангела. Песня становится духовным центром притяжения, потому что в ней поется о Творце мира и его прекрасных творениях: «блаженство безгрешных духов», «кущи райских садов», «Бог великий». В песне ангела мы видим градацию, восхождение от сотворенного к Творцу. Песня несет в себе черты исповеди, молитвы и хвалебного гимна.

Гармоничное движение ритма, лишённое резких пауз и сбоев, выражает просветляющую силу песни. Эпитет «молодой» определяет чистоту души, еще не включенной в стихийную и противоречивую земную жизнь. Порыв к абсолютному гармоничному мирозерцанию, проявленному в песне ангела, заложен в душу изначально. Воспоминания о небесной родине в «мире печали и слез» позволяют душе осознать свою бессмертную сущность. При всей контрастности небесный и земной миры диалектически связаны: связующим началом между ними выступает судьба души, земная жизнь которой проявляет ее бессмертную природу в акте самопознания.

Песня сохраняется в памяти души как мистический, «живой» звук. Звук становится носителем и средоточием памяти, духовной жизни, универсального знания. Воспоминания о небесной песне позволяют душе воскресить ощущение идеальной полноты жизни:

И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли [2, с. 239].

С небесной родиной связаны беспредметные «звуки», в то время как с земным миром — «песни».

Идея охранительного материнского начала проявлена и в «Казачьей колыбельной песне» (1840), источником для которой послужила фольклорная песня, услышанная русским романтиком в одной из станиц во время его пребывания на Кавказе. Произведение Лермонтова в поэтическом отношении очень близко народным колыбельным песням: поэт использует традиционные для фольклора рефрены, образы «месяца ясного», «колыбели».

Лермонтов в рамках небольшого лирического текста сумел отразить народнопоэтическую картину мира. С домашним миром в песне связаны представления о защите. Мать своей песней стремится оградить ребенка, сохранившего ангельскую чистоту («младенец прекрасный»), не только в настоящем, но и в будущем. Поэт подчеркивает, что гармоничный мир дома подвергается опасности со стороны внешней, враждебной силы. Границей между своим (родным, добрым) и чуждым (злым, враждебным) мирами является бурная река («струится Терек», «мутный вал»). Река в различных мифопоэтических системах часто служит границей между миром живых и миром мертвых, территориально разделяет этносы. Лермонтов продолжает эту архаическую традицию. Постоянный эпитет «злой» в русском фольклоре одним из своих значений имеет «носитель чуждой культуры, чужого языка, иной религии». Это значение отражено и в лирике русского поэта:

Но отец твой старый воин,
Закален в бою [2, с. 470].

В. Г. Белинский так отозвался об анализируемом произведении русского романтика: «Это стихотворение есть художественная апофеоза матери: все, что есть святого, беззаветного в любви матери, вся бесконечность кроткой нежности, безграничность бескорыстной преданности, какую дышит любовь матери, — все это воспроизведено поэтом во всей полноте» [3, с. 535]. Если в начале песни раскрывается высшее предназначение женщины как матери, то в дальнейшем подчеркивается истинное назначение мужчины — защищать родную землю. С этим высоким предназначением мать и связывает будущее своего ребенка. Она наделяет своего сына чертами истинного героя: «богатырь», «смело», «казак душой». И в будущем мать стремится окружить заботой своего сына: она детально описывает атрибуты походного быта, которые с любовью сделает для своего сына.

Мать с грустью и смирением предвосхищает сцену расставания с сыном, когда он должен покинуть отчий дом: «горькие слезы», «я тоской томиться», «безутешно ждать». Защитная миссия матери соотносится с молитвой: «Стану целый день молиться...». По народным поверьям, самой сильной молитвой является молитва матери, обращенная к Богородице. Молитва порождена томлением матери, ее глубокой тоской.

Мать верит, что духовная связь между нею и сыном, существующая в настоящем, сохранится в будущем, несмотря на «бранное житье» своего сына: «Стану думать, что скучаешь...». Одной из значимых деталей походного быта в песне является «образок святой», который призван защитить казака в бою. В финале песни вновь происходит ценностное сближение казачки и Богородицы. Мотив молитвы соотносится в финале уже с казаком, который накануне боя уповает на охранительную силу Бога и

материнской любви. В произведении русского романтика мы видим полифонию художественных образов, свободное преодоление душой временных и пространственных границ — данные поэтические черты являются определяющими для лирики Лермонтова.

«Выхожу один я на дорогу...» (1841) — итоговое стихотворение Лермонтова, соединяющее ключевые мотивы его творчества, в том числе и мотив песни. В данном произведении образный ряд песни преодолевает рамки чувственности, выражая религиозную идею единства земли и неба, конечного и бесконечного, вселенского и индивидуального. Эпитет «сладкий» применительно к голосу мифопоэтически обращает к религиозным представлениям о «рае сладости». Песня проясняет основополагающую для христианства этическую ценность любви, которая является основой соборности, Царствия Божиего. Образные характеристики «сна»: сохранение жизненных сил, дыхания, единства души и тела, этические ценности свободы и покоя, открытость софийному началу любви, сопричастность природной полноте — все это знаменует обретение целостной и личностной формы бессмертия в единстве конечного и бесконечного. «Сон» и песня символизируют обретенную человеком гармонию, блаженство.

Метафизическая природа слова наиболее последовательно раскрывается в литературных молитвах Лермонтова. По определению М. Г. Бройде, «Молитва — это коренной вид мистического творчества» [4, с. 27]. Литературная молитва представлена в творчестве многих русских поэтов XIX в.: В. А. Жуковский «Молитва русских», «Молитва детей», «Молитва русского народа», И. И. Дмитриев «Две молитвы», «Супружняя молитва», П. А. Вяземский «Молитвенные думы», Ф. Н. Глинка «Молитва души», В. К. Кюхельбекер «Молитва воина», «Молитва узника», «Вечерняя молитва», Д. В. Веневитинов «Моя молитва», Е. А. Баратынский «Молитва» и др. При всей светскости внутренняя религиозность литературных молитв как глубоко личностной формы обращения к Творцу в русской классической поэзии сохранялась. Литературная молитва в русской классической поэзии имеет определенные жанрообразующие черты: исповедальность, лирическую ситуацию, устанавливающую диалог земного и небесного миров, композицию, в которой после призывания следуют прошения, а также обеты.

«Молитва» («Я, Мать Божия...», 1837) Лермонтова уже на уровне ритмообраза со смягченным в акцентологическом плане началом стихов выражает просветляющую силу молитвенного предстояние. Дактилическая рифмовка передает затухание движущегося ритма. Лирическая тема «Молитвы» вводится посредством личностного восхождения лирического субъекта к охранительному началу мира. Обращенность к богородичному началу рождается из целостности «Я», через преодоление традиционных прагматических причин, образный ряд которых создается при помощи анафоры и повторов «не». В «Молитве» мы видим образные детали, связанные с иконой: «образ», «яркое сияние».

Богородичное начало активно воздействует на душу лирического героя: первый, второй, седьмой и восьмой стихи, обращенные к Матери Божией, охватывают в композиционное кольцо образный ряд духовной скорби героя, утверждая диалогическую природу молитвы. Молитвенное предстояние раскрывает в лирическом герое Лермонтова стремление к гармонии и покою. Замыкающий вторую строфу

стих: «Теплой Заступнице мира холодного» — несет в себе ключевые для православия смыслы. Контрастные эпитеты указывают на антитезу охранительного начала Матери Божией и духовной мертвенности мира, лежащего во зле, и одновременное религиозное снятие данной антитезы. В православной гимнографии Богородица воспринимается предстательницей перед Христом за грехи человеческого рода. «Теплота» в православной книжности обозначает преобразование души благодатью и также связана с откровением божественного начала в земном.

В построении стихов-прошений можно выявить определенную образную симметрию. Семантика покрова становится доминантой поэтики «Молитвы» и проявляется в композиции всего текста, строф, стихов, в образном языке, в ритмике: «Окружи счастьем душу достойную»; «Молодость светлую, старость покойную». Слова «покойная» и «упование», завершающие третий и четвертый стихи третьей строфы и тесно связанные по своей православной символике, подчеркивают на уровне созвучий связь между небесным и земным мирами в мирозерцании бессмертной души.

В «Молитве» утверждаются христианские мотивы «странника», жизненного поиска, восхождения к абсолютным этическим смыслам. Стержнем человеческого бытия выступает духовный мир (покой) как в начале жизни, когда раскрывается полнота сил, так и в конце жизненного пути через обретение мудрости и примирения, в этой связи смерть предстает не пугающим концом, а ценностным итогом. В последнем стихе «Молитвы» нет упоминания о земной жизни; ключевой идеей становится принятие бессмертной душой бытия в единстве земного и небесного миров:

Ты воспрять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную [2, с. 422].

Определение «лучший» в отношении ангела и «прекрасная» в отношении души указывают на их принадлежность к одной сфере идеальной жизни, в силу чего преодолевается романтическая антитеза земного и небесного. В «Молитве» лирический герой, прося о ближнем, сопутствует ему, словно переживает с ним жизнь, наделяя ее чертами идеала. В «Молитве» Лермонтова земное возвышается до небесного. В плане поэтической формы следует обратить внимание на то, что, как в композиционном построении лермонтовского текста (призывание и прошения), так и в образной динамике («образ», «Теплая Заступница», «покойная», «мир упования») раскрываются доминанты христианского мирозерцания. Четкая ритмомелодическая двухчастность стихов, звуковые кольца и скрепы, анафоры, синтаксический параллелизм, инверсии — все это создает условия для гармоничного развития лирического сюжета. В «Молитве» Лермонтова мы видим упорядоченное размещение определений относительно определяемых слов: из 16 стихов в 7 определения и определяемые слова чередуются попарно, а в двух — определяемые слова находятся между определениями, что помогает раскрыть благодатную связь небесного и земного миров.

В «Молитве» («В минуту жизни трудную...», 1839) Лермонтова утверждается личностная направленность и актуальность молитвенного предстояние:

Одну молитву чудную
Твержу я наизусть [2, с. 457].

Лирическая молитва начинается словом «минута», которое указывает на обостренное чувство времени. Трудный жизненный период соотносится с духовным томлением, которое более тяготит лирического героя, нежели внешние заботы. Чтобы преодолеть внешние и внутренние невзгоды, лирический герой обращается к молитве. Художественное определение «чуждая», во-первых, подчеркивает божественную силу молитвы, во-вторых, указывает на то, что молитва связана не со сферой разума, а с жизнью духа и души. Для лирического героя Лермонтова важны не лексические значения, не грамматические связи, а невыразимая в слове духовная глубина и полнота.

В данном лирическом тексте раскрывается диалогичность молитвенного предстояния: исток и условие молитвы («грусть», жажда просветления); сошествие благодати и ощущение лирическим героем полноты мироздания. Лермонтов раскрывает очистительное воздействие на лирического героя Логоса, несущего целостное знание о мироздании и его Создателе:

Есть сила благодатная
В созвучье слов живых [2, с. 457].

Вторая строфа лирической молитвы начинается глаголом «есть», который привносит пафос утверждения. Если начало произведения связано с временным, то вторая строфа обращает в сферу бытийного, вечного. Каждое слово становится предельно значимым: от утверждения бытийности слова лирический герой переходит к утверждению его силы и божественной природы. Художественная метафизика слова в данном лирическом тексте обращает к христианской идее сотворения мироздания Логосом.

Определение «благодатная» выражает ключевую идею Нового Завета — идею духовной связи человека и Спасителя: «Но мы веруем, что благодатию Господа Иисуса Христа спасаемся...» (Деян. 15: 11). «Живое» начало «слов» подчеркнуто глаголом «дышит». Ряд эпитетов («живых», «непонятная», «святая») усиливает образное представление о духовном преображении лирического героя. Художественное определение «живой» в псалмах обозначает сопричастность бессмертию, Богу: «Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому» (Пс. 41: 3).

В литературной молитве Лермонтова, как и во многих произведениях русских романтиков, утверждаются образные модели преодоления рефлексии, воскресения благодаря софийной силе слова:

И верится, и плачется,
И так легко, легко... [2, с. 457].

Молитвенное слово преодолевает формальные законы грамматики, понятийную ограниченность слова, устремляется к религиозному сверхсмыслу, который прозревается в «созвучье слов». Слезы проявляют умиление, переживаемое лирическим героем. Умиление — это религиозное чувство, которое сопровождается прояснением чувственной сферы. Облегчение, которое переживает лирический герой, — это преодоление всего земного, преходящего. Лирический герой живет вечным, бессмертным.

Литературным молитвам Лермонтова близко его стихотворение «Есть речи — значенье...» (1840), где «значенье» как характеристика оплотненного земного мира контрастно духовной полноте звуков. Анафора, синтаксический параллелизм, перекрест-

ная рифмовка «желанья» — «свиданья» усиливают экспрессивное единство. Авторская позиция объединяет контрастные образы «слезы» — «трепет», «разлуки» — «свиданья». «Звуки» преодолевают как рассудочную ограниченность, так и хаотичность страстей, достигая полноты мироощущения, когда в одном эмоциональном состоянии предощущается другое чувство, контрастное и одновременно необходимое.

В произведении Лермонтова проявляется четкая антитеза «слова» и «шума мирского», нацеленная на утверждение духовной полноты Логоса:

Из пламя и света
Рожденное слово [2, с. 474].

«Значенье» слова затемнено в ограниченном земном мире, который отпал от божественной истины, поэтому его характеристикой выступает дисгармоничный шум. Образ Логоса в анализируемом стихотворении восходит к ветхозаветной и евангельской символике, которая сближала Логос с огнем и светом. Слово — это выражение творящей силы Бога, поэтому, приобщаясь к нему, лирический герой обретает универсальное знание о мире.

Звуковая, эмоциональная, сакральная целостность подчиняют себе сферу ограниченных значений, поэтому грамматически ошибочная форма «пламя» вместе «пламени» не диссонирует. Духовная полнота «звуков» сопоставляется с формами жизненной активной человека: «И брошусь из битвы...». Полнота «звука» вызывает в душе героя более обостренную реакцию, нежели молитвенная медитация, так как звук и слово приобщают лирического героя Лермонтова к таинству сотворения мира. Звук и слово выражают идею мироздания как целого.

В стихотворении «Есть речи — значенье...» мы видим не романтическое различие первичных смыслов и косных форм, не образное представление о «невыразимом», а деятельную устремленность человека за пределы даже самых активных форм самоутверждения в земном мире. С. Ломинадзе подчеркивает: «В стихах «Есть речи — значенье...» земное и запредельное, космическое и сокровенно-личное непостижимо соединились...» [5, с. 127]. «Звук» и «слово» фокусируют внутреннюю подвижность души, обусловленную природой творящего слова. Внимание и острота отклика лирического героя утверждают связь человека и Бога в слове, стремление к сотворчеству, к обретению целостного знания о себе и мире.

Итак, Логос в лирике Лермонтова становится формой выражения устремлений бессмертной души человека. Лирический герой Лермонтова верит не в логическую значимость слова, а в благодатную силу «созвучья». В лирике Лермонтова молитвенное слово — это благодатное слово, просветляющее душу лирического героя, который освобождается от власти разума и ощущает религиозную связь с Богом. Слово становится средоточием духовной силы, несущей лирическому герою Лермонтова ощущение полноты жизни, в связи с чем слово наделяется эпитетом «живой».

Библиографический список

1. Арабажин, К. И. М. Ю. Лермонтов / К. И. Арабажин // История русской литературы XIX века / под ред. Д. Н. Овсянко-Куликовского. — М.: Мир, 1909. — Т. 2. — С. 15–42.
2. Лермонтов, М. Ю. Собр. соч. В 4 т. Т. 1 / М. Ю. Лермонтов. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. — 756 с.

3. Белинский, В. Г. Стихотворения М. Лермонтова / В. Г. Белинский // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. В 13 т. Т. IV. — М.: М.: Изд-во АН СССР, 1954. — С. 479–547.
4. Бройде М. Г. Читая Пушкина (к 200-летию писателя) / М. Г. Бройде. — М.: Русский Вестник, 1999. — 126 с.
5. Ломинадзе, С. «Не кончив молитвы...» (К анализу стихотворения М. Ю. Лермонтова «Есть речи — значение...») / С. Ломинадзе // Вопросы литературы. — 1970. — № 1. — С. 123–132.

КОСЯКОВ Геннадий Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и культурологии, проректор по учебной работе. Адрес для переписки: gen777kos@mail.ru

Статья поступила в редакцию 04.12.2013 г.
© Г. В. Косяков

УДК 81.37

Л. Б. НИКИТИНА

Омский государственный педагогический университет

ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ РУССКОГО УМА КАК НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Статья представляет стереотипные оценки русского ума как феномена национальной культуры.

Ключевые слова: русский ум, оценка, стереотип.

Образы мира, запечатленные человеком в семантике языка, а также во внутренней форме высказываний, в совокупности представляют собой некий упорядоченный словарем, грамматикой, языковыми правилами употребления континуум — языковую картину мира (далее — ЯКМ). ЯКМ отражает материалистические и идеалистические, научные и наивные представления человека о мире и самом себе.

Человек, являясь основной частью ЯКМ, представлен в ней многомерно — в разных ролях и ипостасях. Одной из таких ипостасей является интеллектуальная. Осуществленное нами многоплановое семантическое описание образа-концепта «*homo sapiens*» в русской ЯКМ [1, 2] позволяет говорить об особом национально-культурном феномене — языковом образе русского ума, для которого характерны такие категориальные семантические черты, как оценочность и стереотипизированность.

В данной статье описываются отраженные в русском языке стереотипные оценки русского ума как феномена национальной культуры.

Исследователями неоднократно отмечалось, что аксиологическая активность представителей русской культуры выражается в том, что «в общении русские постоянно «раздают оценки» — ситуациям, событиям, третьим лицам и даже своим непосредственным собеседникам» [3, с. 216]. О свойственной русским оценочности общения свидетельствует частотность как позитивных, так и негативных оценок. В то же время исследователи отмечают, что преимущественное право на выход в речь имеет отрицательная оценка: плохое, негативное воспринимается острее, с большим вниманием и порождает желание продекларировать неприятие неправильного, отклоняющегося от нормы или идеала положения дел.

Проанализированный нами речевой материал отражает отмеченную тенденцию превалирования отрицательно-оценочных высказываний в речи носителей русского языка: отрицательная оценка

интеллектуальных проявлений человека имеет не только количественное превосходство над положительной оценкой, но и характеризуется шкалированностью, градуированностью, широким спектром оснований, разнообразием прямых и непрямых форм выражения, определяемых ситуациями общения. При этом оценка человека в его интеллектуальной ипостаси основана на ряде стереотипных представлений носителей русского языка об уме и глупости, их проявлениях и «атрибутах».

Ум как человеческая «принадлежность» понимается русскоговорящими широко: это разнообразные положительные и отрицательные характеристики человека, его действия, поступки, состояния, непосредственно или опосредованно связанные с интеллектуальной способностью. Например, проведенный нами психолингвистический эксперимент показал, что русский человек склонен считать (и называть) умным человека, обладающего такими качествами, как доброта, милосердие, вежливость, трудолюбие, аккуратность; глупым — человека болтливого, невоспитанного, упрямого, демонстрирующего отсутствие вкуса и т.д. Данные характеристики умного и глупого человека называются наряду с теми, которые непосредственно связаны с интеллектуальным началом (*образованный, эрудированный, сообразительный; необразованный, неграмотный, неспособный* и т.д.).

Стереотипное широкое представление об уме и глупости как о сущностях, включающих разнообразные качества и проявления человека, опосредованные интеллектуальным началом, обуславливает неоднозначность трактовки и оценки русского ума: за словосочетанием русский ум в сознании русского человека стоит широкое понятийное содержание: русский ум — это глупость и прозорливость, пассивная созерцательность и активная доброта, воплотившиеся в образе Ивана-дурака; умственная нерасторопность, смекалка, простодушие, непред-

сказуемость, милосердие, бесшабашность, талантливость русского человека; необычность, яркая самобытность мышления, замечательные, выдающиеся способности лучших представителей России; недотепистость, проявляющаяся в конкретных действиях и поступках русских людей и т.д.

Русский ум как сложная смысловая универсалия, являющаяся одной из часто обсуждаемых национальных особенностей, предстает как явление не только противоречивое, но и активно критикуемое, что согласуется с вышеотмеченной тенденцией преимущественного выхода в речь отрицательных оценок. Заметим, что национальная самокритичность является одной из основных коммуникативно-релевантных черт русского менталитета. «Для русского сознания привычно в других народах видеть достоинство, оценивать чужое как интересное, хорошее, качественное, а о себе — говорить плохо, пренебрежительно, с осуждением» [3, с. 118 – 119]. Неслучайно русский ум становится в русской речи преимущественно объектом критики, негативной оценки, которая выражается довольно жестко, безапелляционно. Отрицательная оценка интеллектуальных проявлений отдельного человека или группы людей легко перетекает в оценку национального сообщества: отдельные проявления предстают следствием общего положения дел, согласно которому русский человек действует в соответствии с традиционно присущими ему качествами. Например, в оценочных высказываниях часто эксплицируются смыслы «сделать что-то не подумав, понадеявшись на авось», «пассивно созерцать, не прилагая интеллектуальных усилий для разрешения какой-либо проблемы», «позволять себя дурить и самому прикидываться дураком». Соответствующие характеристики человека сопровождаются определениями их национальных истоков, замечаниями обобщающего характера типа *это так по-русски, наш человек, только у нас*. Тем самым подчеркивается исключительность русского менталитета, уникальность русского ума, отражающаяся в конкретных действиях, поступках, состояниях: *Глава Комитета по безопасности Госдумы России заявил: «Есть большая опасность, что борьбу с коррупцией возглавят коррупционеры, особенно на региональном уровне». Ну правильно! Это же так по-русски — испокон веку мы привыкли головную боль с похмелья, вызванную излишками алкоголя, лечить стопкой водки; Наш народ позволяет себя дурить; Со стороны ДК довольно широкий тротуар, по которому почти никто не ходит. Похоже, только в нашей стране так глупо деньги закапывают* (из газет).

За национальным феноменом русский ум закрепляются в речи определения со значением «непонятный»: *загадочный, неразгаданный, таинственный, труднообъяснимый, странный*. Актуализация семы «непонятный» восходит к тютчевскому «Умом Россию не понять»: *Нет, не измерить русскую душу общим аршином. Еще сложнее понять ее умом. Дай бог памяти, но уже целых 18 лет все кому не лень говорят о реформе нашей армии. За время этих разговоров родился и вырос целый призыв. И ушел служить в ту же самую неприкосновенную армию, недостатки которой нам всем хорошо известны; Загадочная страна Россия! Не только иностранцам ее умом не понять, но и нам самим подчас аршином общим не измерить всю глубину собственной гурости; Смотря на этого «мессию», / Я только водохну устало: / Да, не понять умом Россию, / Что за него голосовала* (из газет).

В порыве самокритики русские могут возводить глупость в ранг типичной черты русского национального характера, подчеркивая ее неизменность. Ср. русские пословицы, отражающие признание русскими людьми того, что глупых (дураков) среди них очень много, а сама глупость практически неискоренима, неподвластна какому-либо положительному влиянию: *На Руси дураков, слава богу, лет на сто припасено; Наших дураков отсель до Москвы не перевешаешь; Дурака учить — решетом воду носить; Ума нет — на базаре не купишь*. Сентенция неизвестного автора *В России две беды — дороги и дураки*, ставшая универсальным средством выражения самооценки русских, не только регулярно воспроизводится в современной русской речи, но и становится источником креативного осмысления причин и следствий различных обусловленных интеллектом проявлений русского человека. Высокая степень известности данного хрестоматийного текста и его смысловая насыщенность позволяет говорящим органично вживлять стереотип в новый контекст, находя тем самым новые подтверждения его состоятельности: *Чиновники — это одна из главных российских бед; Пробка — это две русские беды, дураки и дороги в одном месте; Дураков у нас всегда хватало, это одна из бед России. То, что у нас в образовательных учреждениях дураков много, это, к сожалению, наша беда* (из газет).

Давая отрицательную оценку собственным интеллектуальным проявлениям, русские часто подчеркивают свою запоздалую догадливость, неспособность предусмотреть, просчитать заранее результаты своих действий, так называемое позднее зажигание, выражающееся в том, что человек спохватывается и начинает понимать неправомерность своих действий тогда, когда поправить положение уже трудно или вообще невозможно. Подобные ситуации аккумулирует словосочетание *задний ум*. Образ заднего ума возникает исключительно при описании русского человека и русского ума. Ср. прецедентные высказывания: *Русский человек задним умом крепок; Жить задним умом* (пословицы); *Русский ум — задний ум* (Н. В. Гоголь). Стереотип «задний ум» регулярно воспроизводится в речевом жанре «порицание». Например: *Не надо было затевать эту монетизацию. Или уж взвесить все заранее. Теперь вот сами на знают, как выкрутиться; Подводит нас позднее зажигание, а задним умом, как известно, дела не исправишь* (из газет); *Приняли непродуманный закон // вот результат // Ничего серьезного не совершил // Двадцать лет прошло // заслуженный учитель // уволен // что же это такое // надо ж было такие ситуации предусмотреть // Как теперь исправить //* (из телепередачи).

Наличие заднего ума не равнозначно отсутствию ума: включаясь несвоевременно, задний ум дает человеку возможность осознать свою ошибку. Задний ум — спящий, пассивный, как Иван-дурак в русских народных сказках, но и запоздало активный, хотя эта активность скорее внутреннего свойства: исправить упущенное вряд ли возможно, зато возникает эффект активного самопознания, интенсивной работы мысли, направленной на поиски ответов на вечные русские вопросы «Что делать?» и «Кто виноват?».

Итак, можно говорить о том, что негативная оценка русского ума, который, как уже отмечалось, традиционно осмысливается в связи с различными человеческими проявлениями, связанными с интел-

лектом непосредственно или опосредованно, мотивируется в русской речи глобальным стереотипом «все беды русских — от недостатка ума». Иными словами, русские склонны придавать своим многочисленным проблемам «интеллектуальный оттенок».

Отмеченный стереотип спорит или вступает в противоречие с другим стереотипом, согласно которому русский ум оценивается как потенциально сильный, изобретательный: русский ум запаздывает, дремлет, но решительно проявляет себя в, казалось бы, безвыходных ситуациях. При этом «победа» русского ума всегда сопряжена с нравственным началом: умные мысли, дела, поступки для русского человека равнозначны добрым, порядочным, милосердным. Например, сказочный Иван-дурак далеко не мудрец, но он добрый, или хороший, что одно и то же, поскольку «хороший в русском языке — это прежде всего добрый», а доброта «всегда умная» [4, с. 18]. Ср. частотность употребления в русской речи предикатов интеллектуальной сферы *умный, умница, умно* и др. для оценки разнообразных хороших проявлений человека, и наоборот — активное употребление отрицательно-оценочных предикатов *глупый, дурак, глупо* и др. для оценки плохих, далеких от нравственного совершенства действий и поступков (см. об этом: [1, с. 135 — 137; с. 139 — 141]).

В целом русские не просто не отказываются от критики своих интеллектуальных проявлений, но делают это без боязни придать отрицательной самооценке национальную окраску и предстать в невыгодном свете. В. В. Колесов, отмечая национальную самокритичность русских, пишет: «Дурак — специфически русский тип, может быть, потому, что только русский способен подсмеиваться над собственными недостатками, не видя в том никакого ущемления личному достоинству» [5, с. 157].

Конечно, частотность отрицательной оценки русскими собственного интеллекта не означает абсолютного признания ими своей умственной отсталости и неспособности осмыслить ту или иную ситуацию и принять правильную, *умную*, линию поведения. В речи русскоговорящих мотив принижения собственных интеллектуальных способностей устойчиво сочетается с мотивом «Не держите меня за дурака; я умнее, чем вы думаете». Так, говорящий может констатировать неоправданное отрицательно-оценочное отношение к своему интеллекту со стороны других, подчеркивая тем самым необъективность чужой оценки, неспособность субъекта понять и по достоинству оценить его умственный потенциал: *Думаешь / я гура последняя / не вижу // давно уж все поняла // (из разговора); Тогда я впервые поняла, что власть, мимо которой я спокойно жила и дальше, считает меня за идиотку...* (из газеты); *Не надо нас унижать / русские не идиоты / зря вы // Постоять за себя можем // (из телепередачи).*

Стереотипной является и оценка русскими умственного потенциала женщины. Обращение к образу женского ума в контексте данной статьи оправдано отмеченным многими философами «вечно-женственным» началом русской ментальности (см. об этом: [5, с. 161 — 168]). Известно, что России присваиваются различные феминные свойства (например: стремление к солидарности, доброта, любовь-жалость и др.), среди которых присутствуют и те, которые традиционно ассоциируются с особенностями и оценкой женского ума.

В. Н. Телия отмечает, что в русском языке отражено воззрение на женский ум как на «недо-человеческий» в противопоставлении мужскому, «второ-

сортный» по сравнению с мужским [6, с. 267 — 268]. Бездоказательность, непоследовательность, нелогичность женской мысли находят регулярное отражение в речевых произведениях разных стилей и жанров. Например, «парадоксы» женского ума подчеркиваются в русских пословицах: *Женские умы — что татарские сумы (переметны); Бабий ум — бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца; У бабы волос долог, да ум короток*, описываются в текстах художественной литературы: *Нет ничего парадоксальнее женского ума: порядок доказательств, которыми они уничтожают свои предубеждения, очень оригинален. Чтобы выучиться их диалектике, надо опрокинуть в уме своем все школьные правила логики. Например, способ обыкновенный: «Этот человек любит меня, но я замужем, следовательно, не должна его любить». Способ женский: «Я не должна его любить, ибо я замужем; но он меня любит, следовательно...»* Многоточие погрозумевает невероятное количество вариантов — от желания поиздеваться над ухажером до готовности немедленно отгаться (М. Ю. Лермонтов), муссируются в анекдотах: *Разговаривают две погружки-блондинки. Одна по ходу разговора достает пугренницу, смотрит в зеркало и говорит: «Ой, что-то лицо знакомое!» Погружка ей отвечает: «Дай-ка посмотрю... Правильно, гура, это же я...»* ... и т.д. При этом по данным русского языка женский ум в ряде своих проявлений демонстрирует сходство с русским умом в целом: и тот, и другой отличается противоречивостью, загадочностью, нерасторопностью в сочетании со способностью к «интеллектуальному прорыву».

Таким образом, для русского языкового сознания характерно широкое толкование ума, критический взгляд на интеллектуальные проявления человека, стремление соотносить разные стороны человека с его интеллектуальным началом; образ русского ума как отображенной в языке национально-культурной сущности характеризуется противоречивостью, неоднозначностью оценки, преобладанием отрицательно-оценочных смыслов.

Библиографический список

1. Никитина, Л. Б. Образ homo sapiens в русской языковой картине мира : моногр. / Л. Б. Никитина. — Омск : Изд-во ОмГПУ, 2003. — 188 с.
2. Никитина, Л. Б. Категориальные семантические черты образа homo sapiens в русской языковой картине мира : моногр. / Л. Б. Никитина. — Омск : Изд-во ОмГПУ, 2004. — 148 с.
3. Прохоров, Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. — М. : Флинта : Наука, 2007. — 326 с.
4. Лихачёв, Д. С. Заметки о русском / Д. С. Лихачёв. — М. : Советская Россия, 1981. — 70 с.
5. Колесов, В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов. — СПб. : Петербург. Востоковедение, 2004. — 240 с.
6. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — М. : Языки русской культуры, 1996. — 288 с.

НИКИТИНА Лариса Борисовна, доктор филологических наук, доцент (Россия), профессор кафедры русского языка и лингводидактики.
Адрес для переписки: laribn@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 22.10.2013 г.
© Л. Б. Никитина

МОТИВЫ ФОЛЬКЛОРА И МИФОЛОГИИ АВТОХТОННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ В ОБРАЗЕ ГОРНОГО БАТЮШКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ А. МИСЮРЁВА)

В данной статье исследован генезис отдельных мотивов образа Горного Батюшки, обусловленный влиянием фольклора и мифологии автохтонных народов Сибири, на материале сибирских сборников народной прозы в записях Александра Мисюрёва.

Ключевые слова: Горный, образ, мифологический мотив, генезис.

Во всех вузовских учебниках устного народного творчества 1950–1980-х гг. в той или иной мере уделено внимание материалам сборников народной прозы русских сибиряков — потомков горнорабочих и ямщиков. Тексты записал, прокомментировал и удачно скомпоновал для публикации известный новосибирский писатель Александр Мисюрёв. Пришло новое время, но эти рассказы сохранили свою актуальность для филологической науки: ряд текстов привлечен уже в XXI в. профессором МГУ В. П. Аникиным в учебниках для студентов университетов при рассмотрении жанра бывальщин [1, с. 283–287].

Однако необходимо признать, что в самой Сибири имя А. А. Мисюрёва сейчас почти забыто: во всяком случае, в статьях трехтомной «Исторической энциклопедии Сибири» деятельность замечательного фольклориста и писателя никак не отражена [2]. Возможно, причиной тому была специфика опубликованных записей, обусловленная требованиями своего времени. Кроме того, ученые привлекали их в основном для сравнительного анализа, хотя повествования представляют значительный интерес как специальный объект исследования.

Сейчас, когда идеологическая направленность, тенденциозность в освещении фактов духовной культуры русского народа остались далеко позади, появилась возможность объективно и всесторонне рассмотреть устные произведения, собранные и опубликованные Мисюрёвым. Статья продолжает исследование, предпринятое автором в этом направлении, на материале рассказов цикла о Горном (Горном Батюшке) [3].

Образ мифологического существа вызывал особый интерес ученых, его анализу в той или иной мере уделили внимание А. Н. Лозанова, Р. Р. Гельгардт, С. Н. Азбелев, А. И. Лазарев, Н. В. Рудак, Н. А. Швабауэр.

Обстоятельнее всего образ Горного Батюшки был исследован в трудах Р. Р. Гельгардта [4, с. 206–210; 5, с. 41–43] и Н. А. Швабауэр [6, с. 135–170]. Следует подчеркнуть, что авторы изучали его в ряду многих других, рассматривая типологию фантастических персонажей фольклора горняков на материале Западной Европы и России, при этом образ алтайского Горного чаще всего непосредственно сопоставлялся с образами горных хозяев Урала. Специфика сибирского персонажа заключалась в том, что он выступал

в мужском облике, а уральские мифологические существа — в женском (Хозяйка Медной горы, Малахитница, Девка-Азовка). Поскольку условия труда горняков типичны, закономерно появление вопроса о причинах подобных различий.

Нами будут проанализированы те мотивы образа Горного, генезис которых может быть в определенной степени обусловлен влиянием духовной и материальной культуры автохтонных народов Сибири.

Р. Р. Гельгардт первым высказал весьма важное суждение о том, что один «из возможных ближайших источников образа Горного Батюшки» следует искать «в культовых легендах о хозяине (или хозяйке) горы или хозяине земли. Легенды эти существовали <...> у местного населения Алтая» [4, с. 210]. Автор усматривал сходство в том, что «Горный Батюшка у русских рудокопов на Алтае, как и хозяин горы у алтайских народов, занятых охотой и близко общавшихся с местным русским населением, является властелином гор, земельных недр, «знатоком земных глубин» [4, с. 210]. Исследователь ограничился этим замечанием, поскольку изначально в рассмотрении повторяющихся элементов не ставил цели выявить процесс их возникновения и формирования [4, с. 194].

Анализируя происхождение мотивов образа Горного Батюшки, к работам отечественных этнографов Н. П. Дыренковой [7] и И. Л. Кызласова [8] позднее обратилась Н. А. Швабауэр. Материалы Н. П. Дыренковой позволили автору исследования подтвердить, что народы Сибири тюркской группы языков поклоняются *горным хозяевам*, а на основании статьи И. Л. Кызласова было учтено существенное дополнение, что мужскому образу подземного правителя у хакасов предшествовал женский («мать-гора-прародительница») [6, с. 136].

Мы хотим в большем объеме привлечь работы отечественных этнографов, чтобы по-новому взглянуть на генезис исследуемых мотивов и уточнить некоторые выводы Н. А. Швабауэр. В частности, хотелось бы оспорить (по крайней мере, на материалах Мисюрёва) утверждение о существовании зооморфной ипостаси Горного: «Из зооморфных форм Батюшки наиболее популярен куян (заяц). У шахтеров Алтая существует даже неписанный закон — не поминать зайца в забое. Думается, что этот обычай восходит к почитанию тотемного предка, чье имя не должно было произноситься вслух, а для населения

Колывани Горный дед — родоначальник шахтерско-старательского племени» [6, с. 137]; «Вторым обликом¹ алтайского Горного становится заяц. Особо подчеркивается в текстах запрет упоминать этого зверя в шахте, чтобы не навлечь гнев духа <...> В сознании славянских народов заяц — демон, созданный чертом. Встреча с ним сулит несчастье, неудачу» [6, с. 158].

Действительно, как пишет известный исследователь зооморфных персонажей славянского фольклора А. В. Гура, заяц «связан с миром нечистой силы»: он находится в подчинении лешего, но неподвластен водяному (отсюда «рыбацкий запрет упоминать зайца на воде или на промысле») [9, с. 286]. Более того, автор Энциклопедического словаря русских суеверий М. Власова на основе анализа ряда источников утверждает, что в русской устной традиции сам леший может принимать облик зайца [10, с. 285].

Но общность некоторых мотивов в образах Горного и лешего не может объяснить запреты на упоминание или присутствие этого зверька в шахте, если считать зайца (куяна) одним из воплощений самого Хозяина.

Статьи Н. П. Дыренковой и И. Л. Кызласова содержат достаточно материала для сравнительного анализа русской и автохтонных традиций, ранее не учтенного исследователями устной традиции золотодобытчиков. В связи с этим мы последовательно рассмотрим некоторые важные особенности мифологии и фольклора тюркоязычных народов, которые помогут сделать необходимые уточнения.

Так, И. Л. Кызласов отмечал амбивалентность образа горы: это одновременно порождающее начало (утроба) и вбирающее «в себя умерших соплеменников», вход в иной мир. Хозяева могут принимать **антропоморфный** (женский, мужской) облик либо **зооморфный** (в виде **лисицы, собаки, волка**) [8, с. 85, 88–89].

Во время обряда шаман именуется горный хребет «*владыко, отец наш*» [8, с. 86]. Интересно, что еще в начале XX в. «на родовую гору распространялся обычай избегания. Женщинам запрещалось произносить названия гор (они употребляли по отношению к ним термин «свекор»), в виду горы им нельзя было показываться простоволосыми» [8, с. 86]. Под властью хозяина горы находилась также тайга и ее обитатели, именно от него зависела охотничья удача [8, с. 89].

Автор подчеркивает, что подобные воззрения «были присущи всему населению Саяно-Алтайского нагорья» [8, с. 92]. Это подтверждается ранее опубликованным Н. П. Дыренковой алтайским текстом о наказании жадного охотника: **во сне** к охотнику приходит старик — хозяин горы — и говорит, что не даст ему больше своего *скота*, то есть дичи [7, с. 30].

Ранее мы рассматривали сходный мотив в русской традиции [3, с. 162]: в одном из текстов исполнитель рассказывал, что Горный явился во сне к одному из рабочих бедствующей артели и научил, какие действия следует произвести (принести бескровную жертву), чтобы люди смогли обнаружить золото и спастись от тюрьмы [11, с. 77–78]. Приход во сне — устойчивый мотив русских рассказов о покойниках, при этом цели такого действия бывают полярными: мертвые могут пытаться нанести вред или оказать помощь.

Учитывая материалы Дыренковой, приход Горного во сне может быть объяснен не только диффузией мотивов внутри русской повествовательной традиции, но и фактом заимствования из фольклора народов Саяно-Алтая.

По материалам И. Л. Кызласова, представление о древней женской ипостаси духа-хозяина горы в XX в. сохранилось по большей части в **сказках и эпосе** автохтонных народов [8, с. 84–85], а более поздняя мужская — в **живых обрядах и обычаях** [8, с. 86].

Это подтверждают работы В. Я. Бутанаева по изучению верований хакасов. Рассматривая культ богини Умай (по-хакасски *Ымай идже*), широко распространенный среди «тюркоязычных народов Саяно-Алтая», автор дает описание обряда, способствующего излечению женщины от бесплодия. По верованиям хакасов, Ымай идже «была хранительницей детских душ, которые находились у нее в «храме» — в горе Ымай-тасхыл, имеющей своего хозяина [12, с. 93]. Шаман (непременно очень сильный) должен был во время обряда «проникнуть» в недра священной горы. Считалось, что **хозяин горы** рассматривался на действо, в котором участвовали помогающие шаману «девять невинных юношей и семь непорочных девушек», и шаман мог осуществить свое намерение: «проникал» внутрь горы Ымай-тасхыл, где будто бы находилась Ымай-идже, чтобы с ее помощью выбрать душу ребенка [12, с. 96–97].

Зооморфная ипостась горного духа алтайской мифологии в виде хищного животного семейства псовых (волка, собаки, лисицы) может быть, на наш взгляд, одной из причин, объясняющих негативное отношение Горного Батюшки к зайцу (куяну):

«В работе попа не поминай. Горный не любит. И куюна не поминай. Што поп, што заяц — едино» [11, с. 68];

«Вот робили, вдруг прется заяц и в наши орты залетат. Все кричат:

— Куюн! Куюн!

И стали бегать, его догонять <...>» [11, с. 73].

На татарском языке «куян» [13, с. 182], а на алтайском «койон» [14, с. 203] означает «заяц». Возможно, вместе с заимствованием названия зверька в устной традиции русских горняков нашли отражение связанные с ним верования автохтонных народов Сибири.

Например, В. П. Дьяконова отмечает, что у теленгитов апотропеические функции имеют особые предметы (тоси): «Престижной <...> является группа тосей, «иконография» которых состоит из шкурки зайца-беляка с лентами (Булут-кан)». Заяц был охранителем высшего ранга и «считался связанным с верхним небесным миром» [15, с. 46], то есть с верховным небесным божеством — Ульгеном [16, с. 43–44]. Возможно, извечный антагонизм хозяев разных миров обусловил негативное отношение к зайцу, заимствованное русскими горняками.

По материалам Мисюрёва, Горный может иметь также и фитоморфное обличье — в виде пихты:

«Стоит пихта. Высока! Мы идем, и она идет!

Нам уж недалеко до стану — она идет! Мы в уход — она за нами! Бегом пошла! <...>» [11, с. 69].

В русской традиции облик хвойного дерева (сосны, ели) может принимать леший [10, с. 284–285], но в равной мере генезис данного мотива может быть связан и с культурой коренного населения Алтая. По справедливому замечанию А. М. Сагалаева и И. В. Октябрьской, «как и любой природный объект, дерево представлялось старшим по отношению к человеку. Оно являлось таким же **предком**², как гора, дух или божество» [17, с. 50].

Наконец, заимствованным может быть мотив **двухголового** существа: *«Вылазит из чащи мужик ростом со скалу, о двух головах»* [11, с. 70]. В. П. Дья-

конова, со ссылкой на А. В. Анохина³, отмечает, что седьмого сына Ульгения «изображали в виде двухголовой <...> антропоморфной фигуры» [15, с. 49]. Поскольку алтайцы помещали изображение «в передней части жилища» [15, с. 49], русские могли его видеть и оценивать негативно (ведь в их собственной традиции многоглавость характерна для чудовищ), хотя изображение имело апотропеическую функцию.

Мотив запрета на упоминание Бога во время работы в шахте, использование церковной атрибутики и обрядов отмечен практически всеми исследователями. Наличие данного мотива расценивалось советскими учеными как позитивный элемент в суевериях. Его значение было явно преувеличено, поскольку он не является специфичным для образа горного мифологического существа. Например, христианской атрибутики не терпит баенник, [18, с. 84], «не любит икон» домовый [10, с. 141].

Таким образом, в ряде случаев в конфликтной ситуации доминирует мифологическое существо, которое наказывает за обращение на своей территории (например, под землей) к эмблемам христианства. Показательно, что, когда Горный преследует рабочих в облике пихты, татарин *Ахметка* просит русских молиться Богу:

«Ахметка мне и говорит:

— Нашему Магомету ничего веры нету, давай русскому богу молись, а то пропадем» [11, с. 69].

Видимо, на поверхности горы, в тайге, традиция все же допускала возможность защиты от Горного с помощью молитвы (как от лешего). По понятным причинам, такой вариант мотива защиты ранее не рассматривался.

Рамки статьи не позволяют охватить весь достойный внимания материал, поэтому при анализе выбор был сделан в пользу случаев наиболее сложных или ранее не рассмотренных. Выполненная часть исследования позволяет сделать вывод, что в образе Горного причудливо переплелись мотивы, характерные для персонажей мифологии русского крестьянства (домового, лешего, покойника, в единичных случаях — баенника, водяного) с мотивами фольклора и мифологии автохтонных народов Западной Сибири, говорящих на тюркских языках. Учитывая общность архаической основы в мировоззренческих системах разных этносов, было бы некорректным однозначно определять генезис некоторых мотивов, поэтому мы стремились учесть все потенциальные варианты. Поскольку сибирские тексты, записанные и опубликованные Александром Мисюрёвым, являются в своем роде уникальными и изучены далеко не в полной мере, автор статьи считает своим долгом продолжить работу в данном направлении.

Примечания

¹ После антропоморфного. — И. Ф.

² Выделено А. М. Сагалаевым, И. В. Октябрьской.

³ Анохин, А. В. Материалы по шаманству у алтайцев. — Сборник МАЭ, 1924. — Т. IV, 2. — С. 20.

Библиографический список

1. Аникин, В. П. Русское устное народное творчество / В. П. Аникин. — М.: Высшая школа, 2001. — 726 с.

2. Историческая энциклопедия Сибири. В 3 т. / РАН, Сиб. отделение, Ин-т истории СО РАН; гл. ред. В. А. Ламин. — Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009.

Т. 1. — 716 с.

Т. 2. — 808 с.

Т. 3. — 784 с.

3. Феоктистова, И. К. Мотивы крестьянской мифологии в образе Горного Батюшки / И. К. Феоктистова // Наука о человеке: гуманитарные исследования. — 2012. — № 10. — С. 255–263.

4. Гельгардт, Р. Р. Фантастические образы горняцких сказок и легенд. К типологической характеристике старого рабочего фольклора / Р. Р. Гельгардт // Русский фольклор. — Т. VI. — М.—Л.: Наука, 1961. — С. 193–226.

5. Гельгардт, Р. Р. Фольклорно-лингвистические связи и параллели / Р. Р. Гельгардт // Устная поэзия рабочих России. — М.—Л.: Наука, 1965. — С. 33–51.

6. Швабауэр, Н. А. Типология фантастических персонажей в фольклоре горнорабочих Западной Европы и России: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09 / Н. А. Швабауэр. — Екатеринбург, 2002. — 273 с.

7. Дыренкова, Н. П. Пережитки материнского рода у алтайских тюрков (авункулат) / Н. П. Дыренкова // Советская этнография. — 1937. — № 4. — С. 18–45.

8. Кызласов, И. Л. Гора-прародительница в фольклоре хакасов / И. Л. Кызласов // Советская этнография. — 1982. — № 2. — С. 83–92.

9. Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 2 / Под общей редакцией Н. И. Толстого. — М.: Международные отношения, 1999. — 702 с.

10. Власова, М. Русские суеверия: Энциклопедический словарь / М. Власова — СПб.: Азбука-Классика, 2001. — 672 с.

11. Сибирские сказы, предания, легенды / Сборник А. Мисюрёва. — Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 1959. — 230 с.

12. Бутанаев, В. Я. Культ богини Умай у хакасов / В. Я. Бутанаев // Этнография народов Сибири / Отв. ред. И. Н. Гемуев, Ю. С. Худяков. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1984. — С. 93–105.

13. Русско-татарский словарь / Под ред. д-ра филол. наук Ф. А. Ганиева. — 3-е изд., испр. — М.: Русский язык, 1991. — 736 с.

14. Русско-алтайский словарь / Под ред. Н. А. Баскакова. — М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1964. — 875 с.

15. Дьяконова, В. П. Некоторые этнокультурные параллели в шаманстве тюркоязычных народов Саяно-Алтая / В. П. Дьяконова // Этнокультурные контакты народов Сибири / Под ред. Ч. М. Таксами. — Л.: Наука, Лен. отд-е, 1984. — С. 30–49.

16. Вербицкий, В. И. Алтайские инородцы. Сборник этнографических статей и исследований / В. И. Вербицкий. — М., 1893. — 267 с.

17. Сагалаев, А. М. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал / А. М. Сагалаев, И. В. Октябрьская. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1990. — 209 с.

18. Криничная, Н. А. Русская мифология: мир образов фольклора / Н. А. Криничная. — М.: Академический проект; Гаудеамус, 2004. — 1008 с.

ФЕОКТИСТОВА Ирина Константиновна, кандидат филологических наук, доцент (Россия), доцент кафедры русской и зарубежной литературы. Адрес для переписки: irina_feo56@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.11.2013 г.

© И. К. Феоктистова

ПРОСТРАНСТВО ПОВЕСТЕЙ А. М. РЕМИЗОВА 1910-х ГОДОВ В ОНЕЙРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Статья посвящена анализу онейрического уровня пространства повестей А. М. Ремизова «Крестовые сестры», «Пятая язва» и «Плачущая канава». Прослежено движение роли видений и снов от самостоятельной сюжетной линии в повести «Крестовые сестры» к дополнительной в повести «Плачущая канава», поскольку в последней повести онейрическое пространство уступает место концептуальному образу всепоглощающей Канавы. Актуальность статьи обусловлена малой изученностью структуры художественного пространства повестей А. М. Ремизова, и в частности онейрического уровня художественного пространства.

Ключевые слова: А. М. Ремизов, «Крестовые сестры», «Пятая язва», «Плачущая канава», художественное пространство, онейрический уровень.

Исследованиями природы снов Ремизова занимались многие ученые, такие как А. Г. Соколов, В. А. Чалмаев, Л. Колобаева, Т. В. Цивьян, А. д'Амелия и О. Раевская-Хьюз, М. Козьменко, Е. В. Тырышкина, А. Михайлов, Н. Гурьянова, А. Возняк. Однако обобщенное исследование, посвященное литературным сновидениям Ремизова, принадлежат Н. А. Нагорной [1]. В своей работе она утверждает, что сон входит в литературу как особый жанр, во сне проявляется литературный контекст, таким образом литература и сновидение становятся взаимозависимы. Категории времени и пространства в онейросфере Ремизова обуславливаются авторской мифологией сновидческого зрения («подстриженных глаз»). Область сновидения есть пространство «промежутка», в котором влияют противоположные силы и взаимно-обратимы отношения между разными категориями, преобладает мистериальный хронотоп. Пространство становится тождественно сознанию сновидца, который является автором, актером и зрителем сна и множится в своих двойниках. В произведениях писателя преобладает сон-путешествие, в котором герой странствует по зонам сознания и памяти, воспроизводящим мистериально-игровое действие образов предметного мира сновидения.

Обратимся к нашему исследованию названных повестей. Они написаны в промежутке между 1910-м и 1917 годами, в период активного образного поиска Ремизова в области художественного пространства. Важным сквозным образом в творчестве писателя в заявленные годы является имманентная миражность, ирреальность Петербурга [1, с. 259–367], связанная с пространством снов, видений, грез и пространством измененного сознания, иными словами, онейрическим пространством, которое, по Ежи Фарыно, находится вне реальности текста [2, с. 363–378].

Главный герой «Крестовых сестер», Петр Маракулин, бодрствовал в бессонные ночи, переживая тяжесть жизни наяву: *«И если бы Маракулин в минуту отчаяния своего проломил себе череп ... он одно бы мог сказать в свое оправдание, что не он убил себя, убил его бурковская жестокая ночь»*. Именно бурковская жестокая ночь являлась причиной его страшных сновидений, она же была причиной и тяжелых бессонных ночей. Заметим, что в этой «при-

чине», а точнее, в ее формулировке скрывается и пространственный фактор — бурковская, и временной — ночь. А помимо всего сказанного, в этой цитате видна перспекция сюжета — возможность смерти героя пока что представляется как вероятный, но не жестко обязательный исход.

Многим из героев снятся сны: Маракулину, Акумовне (перед смертью барыни) и ее барыне. *«В день своей смерти она сон видела, будто пришел барин старый и с белою собакой... И похоронили барыню»*.

Акумовна является не только «носителем» сновидений, их толкователем, но и «хранителем», вокруг нее сосредотачиваются различные сновидения разных героев, она их вспоминает и воспроизводит.

В одном из снов Акумовны появляется модифицированная версия новозаветного апокрифа о хождении Богородицы по мукам. На том свете вместо Богородицы водят Акумовну в ее собственном сне. Пространство этого сна представляет собой реверсированное пространство апокрифа — его смысловое наполнение перевернуто, так же как и действующие лица: вместо спуска к грешникам Акумовну ведут на гору, вместо архангела Михаила ее ведут бесы, Богородица по своей воле «смотрит муки», Акумовну, не желающую смотреть, насильно заставляют это делать.

Маракулину в первую ночь на новоселье приснился сон — сидит он в саду-аквариуме, кругом злые люди и схватила вдруг его птица-коршун, кричит: *«Вор, вор, вор!»* Пока что только во сне Маракулин понимает, что *«ему никогда не подняться, не стать на ноги, — и тяжело, и горечь, и тоска смертельная»*. Акумовна растолковала этот сон как предвестник болезни — и Маракулин заболел. В этом сне дублируется сюжетная ситуация его ошелмования, нечто (судьба?) в виде коршуна схватило его и вырвало из привычного уклада жизни.

Другой сон ему снится по дороге к Плотникову, который по сюжету сновидения отрезает ему голову. *«Как же это я без головы буду»* — это последние слова Маракулина во сне, а далее повествователь дает комментарий — *«Сон оказался в руку: чудно и странно было то, что случилось»*. В этой фразе находится подтверждение нашей теории о взаимосвязи событий снов Маракулина и сюжета повести.

Фраза старика Горбачева *«Времена созрели, исполнилась чаша греха, наказание близко!»* произносится «точно спросонья». Эта фраза повторится в своей модификации за секунду до смерти Маракулина, и характер ее «произнесения» играет немаловажную роль — «сонность» Горбачева указывает на его причастность к пространству «сновидения», к тому пространству, где определена уже жизненная линия героя. Вспомним, например, то самое «качество» Маракулина, которое не спрячешь (качество «всасывать все живое») — *«никак его не спрячешь, у сонного под веками поблескивать будет»* — а также то, что Маракулин «глядит изнутри».

Но фраза эта произносится Горбачевым в «видЕнии» Маракулина, когда он, после встречи и отказа Веры, возвращается домой и на него наваливается в этом видении весь Бурков дом, и Маракулин получает «послание» от «пожарного»: *«Подожди, будет ХО-РО-ШО»*.

Последним сном является сон в семицкую ночь, в котором герой получает информацию о своей скорой кончине — этот сон он толкует сам, не обращаясь за советом к Акумовне. Курносая, зубатая и голая — это персонификация смерти, называющей час кончины. Когда ее видит Маракулин — хватает стакан, но вместо него — голый череп в его руке. Встреча матери с крестом на лбу — предзнаменование скорой встречи с ней в другом мире. Соединяют два пространства ощущения героя — смертельная тоска.

Спустя некоторое время Маракулин все же обращается за толкованием к Акумовне.

«— Акумовна, так правда это или неправда?»

— Я черный человек, я ничего не знаю, — ответила Акумовна, и улыбаясь и поглядывая как-то по-юродивому, из стороны».

Отказ от толкования можно проинтерпретировать так — либо Акумовна знала значение сна и не хотела открывать его герою, либо ее функция толкования была «передана» самому Маракулину. В этом месте сюжета сходятся характеристики двух пространств — Маракулин понимает неизбежность собственной кончины в «реальном» пространстве. Таким образом, онейрический уровень пространства не только сосуществует с остальными в рассматриваемой повести, но и обладает, на наш взгляд, некой самостоятельностью. Дело в том, что сны и их сюжеты не просто взаимосвязаны с основным сюжетом повести, а они составляют отдельную сюжетную линию, которая приводит нас к амбивалентному толкованию финала повести.

В повести «Пятая язва» перед нами предельная концентрация реального и концептуального пространств [3, с. 26–57], и при этом почти полное отсутствие онейрического.

В основном в ткани повести присутствуют только номинации — указание на сам факт сна с его характеристиками: дурной сон, тяжелый сон и др.

«И под стук в ставню возвращающихся веселых клубных приятелей, Бобров валился без мысли, без думы, и угарный сон без сновидений, тягучий и странный, покровенный темною кровью, давил и путал его до безумного утра, до делового дня».

Однако в главе «Дубоножие» возникает сразу целый ком снов студенецких жителей: как картинки в калейдоскопе, они демонстрируют нам уклад провинциальной жизни жителей городка, их пороки и жизненные интересы: *«Следовательше Бобровой Прасковье Ивановне быки снятся, будто все бык на быке и всякий за ней гонится и настичь ее хочет,*

почтмейстер Аркадий Павлович Ярлыков, охотник, видит во сне уток, гусей — дичь всякую, лесничий Кургановский ничего во сне не видит, а исправнику, хоть и не часто, а если заладит снится, так уж из ночи в ночь военные сражения снятся».

Самым важным для толкования повести является онейрическая линия главного героя. До беседы со старцем Шапаевым Бобров не видел снов: *«Приятелю не обойдут и его (дом Боброва. — О. Е.), и чей-нибудь кулак уж непременно дубаснет в ставню, а в верхнем окне у следователя и не мигнет, упорно горит одинокий бессонный огонь».* Выпив водки после беседы, Бобров чувствует, что его душу поджег Сухов-поджигатель, и засыпает тяжелым сном с мыслью о «лечебном для души» блюде. Следовательно видит, как к нему приближается девка-прислуга с большими ножницами, на него нападает темный страх от осознания, что «нет ему пощады и некуда деться». Девка символически собирает отрезать его связь с теорией о Законе, которая определяет принадлежность Боброва к реальному пространству — так онейрическим пространством обусловлен переход героя из реального пространства в пространство видений и воспоминаний.

В конце повести Бобров целиком погружается в оторванное от реальности состояние воспоминания: он припоминает детали казни китайца без переводчика, снова видит убитую женщину в корзине, протокол на которую он писал перед женитьбой. Кульминационным моментом, который возвращает на миг в реальное пространство, является воспоминание о женщине в трамвае: Бобров понимает, что стонет не она, не мать, не Василиса, а он. Он поворачивается лицом к стене и снова погружается в видение. Его приговаривают в камере на суде в онейрическом пространстве, в то же время в реальном пространстве он умирает.

Таким образом, появление и нагнетание онейрического происходит в тесной связи с развитием душевных метаний следователя, который последний раз возвращается в ставшее чужим реальное пространство и его сердце останавливается.

Первый сон одного из героев повести «Плечужная канава» Будылина, в котором они с Машей гуляют по лесу, однозначно указывает на невозможность их совместной жизни: Антон Петрович собирает грибы в лесу, а Маша цветы, их интересуют разные вещи и в их реальности. За этим эпизодом следует тот, в котором Будылин ловит отошедшую от него Машу уже в болоте и в котором появляется девка, стоящая в нем по пояс. Примечательно, что она пытается затащить Машу к себе, зачаровав ее, но попытки эти бесплодны, поскольку Будылин спасает Машу, кидая камни в девку. Этим объясняется то, что Машу, которая сама легла на рельсы трамвая в тот «болотный» вечер, «Бог пронес».

Рассматривая этот сон Антона Петровича, невозможно не отметить сходство черной «ребрастой» девки из болота и «курносой, зубатой» из последнего сна Маракулина — оба этих образа представляют собой inferнальных персонажей. Зубатая Маракулина явно представляет собою смерть, а девка из болота представляется неким проводником в мир мертвых.

Второй сон, приснившийся Будылину после неудавшегося «объяснения», демонстрирует очевидное поражение в «борьбе» Антона Петровича с Задорским, явленное в удвоении. В этом сне они поднимались на лифте к двери Маши. Сам подъем на лифте тождественен тому, как Антон Петрович

«выбирался из трясины на ров», в своей влюбленности стремился поправиться Маше, олицетворявшей «единственную дверь к жизни, луч света в погребной яме». Образ символической двери материализуется, но в «дверь жизни» входит Задорский, а Антон Петрович срывается и падает. Интересно, что потом, в конце повести Задорский уходит на войну и умирает, а Бudyлин остается жить, неистово молясь о смерти всего живого. Следует отметить, что образ трясины, в которую «безжалостно толкнули» Бudyлина, и его полет вниз во сне явно сходны, хотя бы потому что Бudyлина «толкнул в трясину» Задорский, ему же удается пробраться в вагон к Маше, а Бudyлин срывается и падает вниз.

В следующем эпизоде сна, когда Бudyлин понимает, что не просто летит вниз, а летит над землей в вагоне третьего класса. В пространственном отношении возникает сновидческая реверсия понятий «верх-низ», находясь на дне канавы плачущей, Антон Петрович во сне видит себя летящим высоко над землей. Когда он слышит голос Маши, который зовет в соседний летящий рядом вагон, Бudyлин обнаруживает, что и в вагоне рядом с ним Задорский, вылезавший из окна на голос Маши. Бudyлин же не успевает предпринять каких-либо действий, его будит крик уже из реального окна: «Сеledки голландские!». И Бudyлин понимает, что и во сне, и наяву «проиграл»: «Да лучше бы провалиться сквозь землю!».

Сон Баланцева — реконструкция ветхозаветного апокрифа про смерть Авраама. В повести фигура Баланцева играет важную роль в концептуальной организации текста — именно Баланцеву нянька в детстве рассказывала про канаву плачущую, и именно он видит сон про смерть Авраама из ветхозаветного апокрифа «Завещание Авраама», который Баланцев когда-то читал. Вокруг Алексея Ивановича сгущаются апокрифические смыслы, заложенные в повести. Однако, как указывает и повествователь, в данном сне присутствует сцена, которой нет в исходном тексте апокрифа. Это сцена посвящена сбору душ людей, которым Авраам делал добро и которым делал зло. На большое множество людей, которым было сделано добро, нашелся один человек, которому Авраам сделал зло. И, когда стал этот человек за спиной смерти, лицо ее изменилось «из красоты в плач». А потом стал расти этот «единственный обойденный на обойденной земле» и своею тенью закрыл всю землю. И последними словами сна Баланцева были как бы слова этого выросшего обойденного Авраамом: «Помогите, поддержите, доложите правление». Но как мы знаем, это слова Тимофеева из его телеграммы. Этим объясняется, что, как и последний сон Маракулина, сон Баланцева имеет сильную позицию в сюжетной линии — только после анализа этого сна и после событий на Каменноостровском он принимает-таки решение помочь Тимофееву.

Последним сном повести является сон Маши, в котором она рассказывает свой сон пришедшему к ним Баланцеву, а в этом сне она по приезде домой встречает свою покойную няньку, которая рассказывает Маше уже свой сон. Образ Маши постоянно сопровождает семантика смерти — покойная нянька, рассказывая свой сон, идет с Машей плечом к плечу. Подобная концентрация онейрического — «сон во сне во сне» — указывает на полное погружение Маши в свои переживания, во время которого реальная жизнь становится безразличной и как бы лишней. После этого эпизода случается «болотное

происшествие» на Каменноостровском, которое увидит Баланцев.

Именно это происшествие вызовет в нем череду видений и дальнейший выход за пределы собственного сознания — «бегою всей жизни — всех жизней всего мира переполнилась его душа». В данных эпизодах Алексей Иванович видит следующее. «Все слывала ночь — и ночь и отчаяние, — все лица в одно лицо. И какое это было лицо: и жестокое и непреклонное — на огромном коротконогом туловище с болтающимися отвислыми сосками».

В образе коротконового чудовища с множеством лиц в одном воплотилось отчаяние, навеянное традиционными для Петербурга семантиками смерти, болезни и болотного холода, а также все знакомые Баланцеву люди.

Это видение обусловило по возвращении Баланцева домой выход за пределы сознания. В этот момент Алексей Иванович начинает беседу с Богом, но не в виде той «светлой» беседы, которая возникает на службе в церкви, не в виде молитвы, а в виде требования, призыва «царя жестоковыйного» к ответу, за что все брошены в канаву, в которой укрепилось бессовестие. Баланцев сам находит ответ, что в этом проявляется Божественная милость, но она жестока и проявляется в «судьбинном иге», жизни не по своей воле. В заключительной части этой «беседы» Алексей Иванович вспоминает о «минутах озарения и радости в канавном житье» и в последних словах к Богу явлена благодарность: «Господи, и до чего хорошо на земле в Божьем мире!».

Итак, онейрическое пространство повести «Плачущая канава», которое не просто сопутствует реально-концептуальному пространству, а является полноправным местом действия, в котором протекают события сюжета.

На онейрическом уровне сходство повестей явлено в наличии видений-кошмаров Маракулина в «жестокое бурковские ночи», Боброва перед смертью и Баланцева на Каменноостровском, в пророческой роли сновидений Маракулина о приближающейся смерти, Боброва о девке с ножницами и Бudyлина о том, что Машу засасывает «болото» и что ему суждено проиграть в «борьбе» с Задорским. И в «Крестовых сестрах», и в «Плачущей канаве» есть толкователи снов «из народа»: Акумовна и Овсевна.

Повести различаются тем, что в «Плачущей канаве» есть сны, понимаемые героями как руководство к действию, например, сон Баланцева про смерть Авраама. В повести «Крестовые сестры» таких снов нет, зато сновидческая сюжетная линия выступает как самостоятельная, параллельная основной «реальной» (вспомним «путь» Маракулина к падению из окна в его снах).

В «Пятой язве», хронологически стоящей между «Крестовыми сестрами» и «Плачущей канавой», доминирующая роль реального пространства к концу повести переходит к онейрическому. На это работает также такой художественный прием, как внедрение в реально-концептуальное пространство онейрического с запаздывающим объяснением, что имитирует характерную для провинциального городка среду сплетен и молвы. Например, все жители Студенца знали, что Двигалка родила черта, но до самого конца истории даже и не догадывались, что это всего лишь мертворожденный котенок.

Сновидческая сюжетная линия «Плачущей канавы» уже не самостоятельна, она является дополняющей частью общего сюжета, на первый план

выходит концептуальный уровень всепоглощающего пространства Канавы. Таким образом, было рассмотрено движение онейрической линии от самой ранней в заявленном периоде творчества к более поздним повестям со снижением ее доминирования.

Библиографический список

1. Нагорная, Н. А. Виртуальная реальность сновидения в творчестве А. М. Ремизова / Н. А. Нагорная. — Барнаул : БГПУ, 2000. — 150 с.
2. Топоров, В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» / В. Н. Топоров // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического : избранное. — М. : Прогресс — Культура, 1995. — 624 с.
3. Фарыно, Е. Введение в литературоведение / Е. Фарыно. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. — 639 с.

4. Булгакова, А. А. Топика в литературном процессе : пособие / А. А. Булгакова. — Гродно : ГрГУ им. Я. Купалы, 2008. — 107 с.

5. Ремизов, А. М. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 4. Плачужная канава / А. М. Ремизов. — М. : Русская книга, 2001. — 560 с.

ЕФРЕМОВА Олеся Александровна, аспирантка кафедры русской литературы и теории обучения литературе Института филологии, массовой информации и психологии.

Адрес для переписки: lesefremova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 29.10.2013 г.

© О. А. Ефремова

УДК 811.111:001.4

**Ю. Е. КОСТЕРИНА
Л. К. КОНДРАТЮКОВА**

Омский государственный
технический университет

КРИТЕРИИ И ПРИНЦИПЫ ОТБОРА ТЕРМИНОВ

В статье представлен обзор основополагающих работ отечественных терминоведов с целью выявления критериев отбора терминологических единиц для составления выборки терминов, которая является основным объектом терминоведческих исследований.

Ключевые слова: термин, терминология, выборка терминов, терминоведение.

Объектом изучения в терминоведческих работах выступает выборка терминов некоторой предметной области знания того или иного языка, вследствие этого, вопрос определения критериев и принципов отбора терминов является ключевым для научного исследования и относится к основным проблемам современной теории терминографии. В задачи настоящего исследования входит обзор основополагающих работ известных терминоведов с целью выявления критериев отбора терминов для составления выборки.

В диссертационных работах Омской терминологической школы выборка терминов для научного исследования впоследствии становится словариком того или иного вида словаря, назначение и вид словаря, таким образом, могут влиять на процесс отбора терминов. Например, для учебного словаря отбор языковых единиц отличается некоторыми специфическими принципами. «Это — нормативность, строгая синхронность лексики, ориентация на индивидуальный {словарный} запас, на определенный круг тем, целенаправленность обучения» [1, с. 343]. Для переводных отраслевых словарей основным становится тематический принцип и полнота охвата терминологии определенной отрасли знания.

Широко известный терминовед С. В. Гринев-Гриневич неоднократно поднимал проблему отбора терминов в своих работах [2–4]. Говоря о зависимости критериев отбора терминов от общей мето-

дической установки словаря, С. В. Гринев-Гриневич выделяет следующие принципы отбора терминологической лексики: тематическая принадлежность (исключение терминов смежных областей), ориентация на словарный запас обучаемых (предполагается, что у студентов и специалистов уже есть запас общелитературных и общенаучных слов и последние в словарь не включаются), системность (для исключения пропуска важных понятий), полнота охвата терминологии, синхронность (временной фактор), употребительность (частотность), семантическая ценность термина, терминообразовательная способность, нормативность и сочетаемость.

Прежде всего, рассмотрим принцип нормативности. Нормативно-стилистические задачи терминологического словаря ограничивают объем выборки, не допуская широко представленные в различных сферах словоупотребления профессионализмы, окказионализмы, стилистически маркированные и некоторые другие виды «ненормативных» средств речи специалистов. Терминоведу следует внимательно относиться к принципу нормативности, не только на дальнейших этапах терминоведческой работы по упорядочению и стандартизации терминологии, но и на начальном этапе отбора терминов. Ф. де Соссюр, Э. Косериу и их последователи отмечали, что «норма занимает промежуточное место между живой стихией речи и строго фиксированными системными законами языка» [1, с. 52].

В сфере терминоведения важно не давать жестких рекомендаций, правильных с лингвистической точки зрения, но способных навредить развитию живого языка науки. Поэтому в терминологическом словаре, призванном показать действующие нормы терминопользования, необходимо отразить также и все многообразие терминосистемы, за счет включения некоторых «ненормативных» элементов.

Различая литературное нормирование общей и специальной лексики, под «ненормативными» элементами в данном контексте мы понимаем терминологические единицы, которые не соответствуют норме для слов общей лексики, но в то же время обладают признаками термина и подчиняются особому варианту нормы. Например: *кóмпас* — общеупотребительное слово, по нормам произношения с ударением на первом слоге, и его акцентологический вариант *компа́с* — термин, связанный с профессиональной деятельностью моряков, терминологической особенностью которого является сдвиг ударения на второй слог.

А. В. Суперанская отмечает, что «специальная лексика подвергается особому нормированию, в основе которого лежит не литературная, а производственная правильность, продиктованная не нормами словоупотребления или словообразования данного языка, а условиями соответствующей подсистемы» [5, с. 28]. Например: в русскоязычной специальной лексике в качестве терминологических элементов употребляются вторично образованные прилагательные, не характерные для общей лексики: *жидкостной, частотный, скоростной* при наличии общеупотребительных: *жидкий, частый, скорый* (примеры А. В. Суперанской). Таким образом, исследование имеет дело с некоторыми особенностями терминологической лексики, которые не соответствуют литературной норме общей лексики. Специфическая норма, которой подчинена терминология, была названа профессиональным вариантом нормы [6; 7, с. 31]

Следующим принципом, на котором мы остановим свое внимание, является хронологический принцип для отбора терминов. А. С. Герд, отдавая предпочтение хронологическому принципу, предлагает в основу отбора лексики для терминологических словарей положить периодизацию истории языка науки в тесной связи с историей самой науки [8, с. 25]. Л. Л. Кугина считает, что «в историческом освещении становятся более отчетливыми и выпуклыми многие лексико-семантические особенности термина как особой семасиологической единицы и терминологий как особых лексических систем. Исторический ракурс в этой области, как и во всякой другой, вносит чрезвычайно существенный момент в исследование явления: он позволяет усмотреть тенденцию в его развитии» [9, с. 181]. Диахроническое изучение терминологии, базируясь на истории ее развития, имеет большое значение также и для анализа современного состояния языка науки. В зависимости от задач исследования терминология может изучаться как в диахронии, так и в синхронии.

Синхронность терминологии или временной фактор особенно актуальны для терминологических словарей. «В качестве одного из требований к специальным словарям выдвигается соответствие современному уровню развития области знания» [2, с. 97]. За период подготовки словаря к публикации наука развивается, и словарь уже не описывает реального состояния терминологии в синхронии с моментом выхода издания, а отражает временной

период, в течение которого над ним велась работа по составлению, редактированию и предпечатной подготовке. Решение данной проблемы требует сокращения сроков подготовки словаря, что часто не представляется возможным, а также вытеснения устаревших терминов и замены их современными эквивалентами.

Другой принцип отбора терминов, который выделяет А. С. Герд, это принцип моделирования логико-понятийной системы изучаемой отрасли знаний при котором накопление массива терминов в выборке и соотнесение их с логико-понятийной системой идут параллельно [8, с. 27–37]. В идеале логико-понятийная основа для классификации терминов выстраивает полную систему понятий изучаемой отрасли знания и, следовательно, дает отсутствие лаун в описываемой терминологии. Системный принцип, один из широко используемых научных принципов, в терминоведении предписывает анализ и оценку каждого термина как элемента терминосистемы, отражающей систему понятий какой-либо области науки и техники (ее части, раздела) [10]. Системность термина, как одно из его основных свойств, отражает семантические отношения называемого им понятия со связанными понятиями.

Руководствуясь принципом моделирования логико-понятийной системы, терминовед на практике осуществляет два этапа работы: отбор терминов из источников и их дальнейшая систематизация. Во-первых, фиксируются все термины изучаемой области знания, включая многозначные терминологические единицы во всех их значениях, термины-синонимы и др. Параллельно производится поиск дефиниций, фиксируются определения понятий. Во-вторых, проводится систематизация понятий, определяется место каждого понятия в системе, его взаимосвязь с другими понятиями, а также выявляются недостатки в терминологии. К последним можно отнести различные толкования одного и того же понятия, синонимии, лауны в терминологии, отсутствие подходящей формы термина, например: выражения с причастными и деепричастными оборотами, словосочетания с сочинительными союзами, либо использование описательного оборота при переводе понятия.

С. В. Гринев-Гриневиц особо подчеркивает роль систематизации на этапе отбора терминов и отмечает, что систематизация «является единственно верным путем выделения терминов определенной понятийной области, гарантирующим наличие всех важных терминов. Она дает возможность определить степень охвата и отражения отдельных тематических подразделов специальной лексики данной области, установить четкие рамки словаря, отсеять случайные термины, не принадлежащие тематике словаря, выявить возможные синонимы и лексические лауны, то есть обеспечить полноту словаря» [3, с. 96].

Особенностью изучаемой нами терминологии является то, что термины физики низкоразмерных систем, выражающие строго научные понятия, легко классифицируются по логическим категориям понятия. Руководствуясь принципом моделирования логико-понятийной системы, мы выделили следующие категории понятий и терминов, их выражающих:

— категория предметов и материалов (**thin film** — тонкая плёнка, **thin film transistor** — тонкопленочный транзистор, **track-etched membrane** — трековая мембрана, **superlattice** — сверхрешётка,

zero-dimensional quantum system — нульмерная квантовая система);

— категория признаков и свойств (**dimension** — размерность, **threshold sensitivity** — пороговая чувствительность, **vacancy mobility** — подвижность вакансий, **density of states** — плотность состояний, **dielectric properties** — диэлектрические свойства);

— категория величин и единиц измерения (**dimensionless quantity** — безразмерная величина, **equilibrium constant** — константа равновесия реакции, **Curie temperature** — температура Кюри, **de Broglie wavelength** — длина волны де Бройля, **doping depth** — глубина легирования, **threshold voltage** — пороговое напряжение, **femto** — фемто, миллиардная доля);

— категория процессов и явлений (**tunnel junction** — туннельный переход, **quantum tunneling** — квантовый туннельный эффект, туннелирование, **threshold voltage** — пороговое напряжение, **Vigner crystallization** — вигнеровская кристаллизация);

— категория законов, закономерностей и принципов (**Fourier's law** — закон Фурье, **Einstein relation** — соотношение Эйнштейна, **degenerate perturbation theory** — теория вырожденных возмущений).

Систематизация понятий по выбранным логическим категориям позволила выявить случаи межкатегориальной многозначности физической терминологии. Например: терминологическое сочетание **threshold voltage** — пороговое напряжение обозначает как явление возникновения разности потенциалов, так и физическую величину, выражающую значение порогового напряжения, определяемое точкой пересечения линии прямолинейной аппроксимации характеристики открытого состояния с осью напряжения [11]. Терминология физики, как в английском, так и в русском языках, богата подобными примерами, когда одна и та же форма термина используется для обозначения явления и величины, математически характеризующей данное явление, для описания процесса протекания какого-либо явления и самого физического явления, для отражения процесса и его результата. Данный факт позволяет констатировать наличие межкатегориальной многозначности как специфическую черту физической терминологии.

В период становления терминоведения как науки вопросы отбора терминов для исследования также интересовали исследователей. В 1969 г. Р. Ю. Кобрин критически рассмотрел такие принципы отбора терминов как полезность термина, частотность (или частота встречаемости), семантическая целостность, лексическая неразложимость и устойчивость терминологических сочетаний [12, 13]. Б. Н. Головин и последователи Горьковской лингвистической школы, а также ряд других исследователей (К. Я. Авербух [14], С. Д. Шелов [15], В. М. Лейчик [16], Т. Л. Кандаки, В. П. Даниленко [6], В. Ф. Новодранова [17] и др.) предлагают проводить отбор терминов, ориентируясь на требования, предъявляемые к термину: систематичность, краткость, простота, ясность, словообразовательные возможности (derivativность), эвфония (благозвучность), соответствие лингвистическим правилам и нормам языка, полезность, частота встречаемости, дефинитивный критерий.

Наличие дефиниции признается обязательным признаком термина многими учеными. Приверженцы когнитивного подхода в лингвистике В. Ф. Новодранова, О. А. Зяблова считают, что дефиниция является основанием для определения статуса слова как

термина, но отмечают, что «если в дефиниции применяются не специальные знания, а знания, понятные обыденному сознанию, то это слово является словом общеупотребительного языка; если же в дефиниции используются специальные знания, это слово скорее всего стало термином» [17, с. 89]. Приведем примеры терминов физики низкоразмерных систем: **exfoliation** — эксфолиация — процесс расслоения на единичные наноэлементы частиц наполнителя со слоистой структурой в матрице нанокompозитного материала [18]; **trigger voltage** — отпирающее напряжение тиристора — наименьшее значение напряжения в закрытом состоянии тиристора, которое обеспечивает переключение тиристора из закрытого состояния в открытое [11, с. 21].

Ориентируясь на дефинитивный критерий, мы составили корпус базовых терминов физики низкоразмерных систем в количестве 1365 терминологических единиц. Фундаментальность физического знания накладывает свой отпечаток на термины, выражающие научные физические понятия. Терминология физики хорошо соотносится с критерием наличия дефиниции как строго научная, что составляет ее отличие от терминов социально-гуманитарных областей знания.

Однако, полагаясь исключительно на дефинитивный критерий, следует иметь в виду, что мы определим только класс базовых терминов, выражающих наиболее актуальные понятия предметной области. Так как, по справедливому замечанию Б. Н. Головина и Р. Ю. Кобрин, не все понятия дефинируются в научной, учебной и технической литературе [13, с. 62]. Поэтому целесообразно ориентироваться на комплекс требований, предъявляемых к термину, в совокупности с выработанными принципами при отборе материала для исследования.

Необходимо также отметить, что стратификация специальной лексики усложняет проблему отбора терминов. Принятые исследователем принципы позволяют определить будут ли включены предтермины, терминоиды, номены, профессионализмы, консубстанциональные единицы и другие виды специальной лексики. Неоднородность терминологической проявляется также и в форме терминоединиц. Опираясь на совокупность вышеописанных принципов отбора терминологического материала и требований, позволяющих выделять термины среди многообразия лексики, мы включили в терминологический словарь следующие группы терминов:

— однословные термины:

а) простые терминоединицы — однословные термины, образованные путем аффиксации или переосмысления общелитературного слова [19, с. 27], например: **aberration** — аберрация, **acceptor** — акцептор, **band** — зона, **carrier** — носитель, **gate** — затвор, **hole** — дырка;

б) сложные терминоединицы — двухкомпонентные термины, характеризующиеся цельюформленностью, образованные путем сложения или переосмысления общеупотребительного сложного слова [19, с. 27], например: **aerogel** — аэрогель, **backgate** — обратный затвор, **backscattering** — обратное рассеяние, **bandwidth** — ширина полосы частот, **eigenfunction** — собственная функция, **photodetector** — фотодетектор;

— терминологические словосочетания:

а) связанные терминологические сочетания — это терминологические сочетания, в которых замена одного из составляющих ведет к нарушению семантической целостности всего сочетания [19, с. 40]. На-

пример: **quantum well** — *квантовая яма*, **Schrodinger equation** — *уравнение Шредингера*, **fractional quantum Hall effect** (FQHE) — *дробный квантовый эффект Холла*;

б) свободные терминологические сочетания — это терминологические сочетания, внутри которых возможна синонимическая субституция элемента(ов) с сохранением семантической целостности всего сочетания [19, с. 40]. Например: **single-particle excitation** = **one-particle excitation** — *одно-частичное возбуждение*, **interfacial polarization** = **interface polarization** — *граничная поляризация*, **interstitial site** = **interstitial space** — *междоузлие*;

в) фразовые терминологические сочетания — это терминологические сочетания, в которых синтаксические отношения выражены с помощью предлогов или союзов [19, с. 44]. Например: **spin of an electron** — *спин электрона*, **polynucleation of the reconstructed domains** — *полицентрическое зарождение сверхструктурных доменов*, **donor-to-acceptor recombination** — *рекомбинация донор-акцептор*, **length of adatom migration** — *длина миграции атомов*;

— термины аббревиатуры — это термины, созданные из отдельных элементов звуковой или графической оболочки некоторой развернутой формы (слова или словосочетания), с которой термин-аббревиатура находится в определенной лексико-семантической связи [20, с. 8]. Например: **MOSFET** = **Metal-Oxide Semiconductor Field-Effect Transistor** — *МОП-транзистор* или *полевой транзистор со структурой металл-оксид-полупроводник*, **BiCMOS** = **bipolar complementary metal-oxide semiconductor** — *запоминающая биполярная КМОП-структура*, **QWIP** = **quantum well infrared photodetector** — *инфракрасный фотодетектор на квантовой яме*;

— номенклатура — названия конкретных, единичных объектов данной отрасли знания. Например: номенклатурные обозначения исследовательских учреждений **BESSY** — нем. Berliner Elektronenspeicherring-Gesellschaft für Synchrotronstrahlung — *Берлинское сообщество электронного накопительного кольца для синхротронного излучения*, **BESSY II** — исследовательское учреждение, которое эксплуатирует единственный синхротрон третьего поколения в Германии.

Отметим, что особенностью процесса сбора терминов является субъективность, т.е. зависимость суждений, мнений, представлений от субъекта, его взглядов, интересов, вкусов, предпочтений [21], т.к. производится в значительной степени под влиянием методологической концепции автора и некоторых других субъективных факторов. Исследователь постулирует принципы систематизации терминологического материала, определяет критерии для включения в выборку тех или иных терминов, выражает свое отношение к различным пластам терминологии, консультируется со специалистами, принимает или оспаривает их точку зрения — все это влияет на объективность исследования, привносит субъективный момент, связанный с личностью ученого. Некоторые исследователи сводят объективность данного процесса к минимуму, считая отбор терминов интуитивным, например, Ю. В. Козлов, А. С. Герд: «Обычно словник строится чисто интуитивно, а именно путем отбора в словарь так называемых основных важнейших терминов с точки зрения отдельных специалистов» [8, с. 24]. Позволим себе не согласиться с данной точкой зрения, поскольку, определив критерии и принципы для отбора терминов

и строго придерживаясь их в дальнейшей работе, терминовед тем самым повышает объективность своего исследования.

Итак, сбор терминов является одной из важнейших задач терминоведа. Определенные исследователем принципы и критерии отбора терминов обуславливают последующие этапы терминоведческой деятельности. Дальнейшая работа заключается в строгом выполнении избранных методов исследования и ограничении необходимой для словаря информации, опираясь как на требования к термину, так и на выработанные методологические принципы терминоведческой работы: дефинитивный критерий, принцип синхронности, определяющий хронологические рамки терминологического словаря, принцип нормативности и принцип системности, реализуемый на практике с помощью моделирования логико-понятийной системы.

Библиографический список

1. Дубичинский, В. В. Лексикография русского языка: учеб. пособие / В. В. Дубичинский — М. : Наука : Флинта, 2008. — 432 с.
2. Гринев, С. В. Основы лексикографического описания терминосистем : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / С. В. Гринев. — М., 1990. — 318 с.
3. Гринев-Гриневиц, С. В. Введение в терминографию: как просто и легко составить словарь / С. В. Гринев-Гриневиц. — М. : ЛИБРОКОМ. — 2009. — 224 с.
4. Гринев-Гриневиц, С. В. Терминоведение / С. В. Гринев-Гриневиц. — М. : Академия, 2008. — 304 с.
5. Суперанская, А. В. Общая терминология: Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. А. Подольская, Н. В. Васильева. — М. : ЛИБРОКОМ, 2009. — 248 с.
6. Даниленко, В. П. Лингвистические проблемы упорядочения научно-технической терминологии / В. П. Даниленко, Л. Н. Скворцов // Вопросы языкознания. — 1981. — № 1. — С. 7 — 16.
7. Шелов, С. Д. Лингвистические проблемы терминологии и научно-технический перевод / С. Д. Шелов, В. М. Лейчик // Перевод научно-технической литературы. Сер. Теория и практика научно-технического перевода. Обзорная информация. — Ч. II. Вып. 18. — М. : Всесоюзный центр переводов, 1990. — 80 с.
8. Герд, А. С. Основы научно-технической лексикографии (как работать над терминологическим словарем) / А. С. Герд. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1986. — 73 с.
9. Кутина, Л. Л. Формирование терминологии физики в России / Л. Л. Кутина. — М., Л. : Наука, 1966. — 288 с.
10. Рекомендации по основным принципам и методам стандартизации терминологии. РМГ 19-96; введ.1998-07-01. [Электронный ресурс]. — URL: <http://bestpravo.ru/rossijskoje/pt-zakony/f3b.htm> (дата обращения: 19.11.2013).
11. ГОСТ 20332-84. Тиристоры. Термины, определения и буквенные обозначения параметров. — Взамен ГОСТ 20332-74 ; введ. 1985-07-01. — М. : Госстандарт России : Изд-во стандартов, 2001. — 29 с.
12. Кобрин, Р. Ю. О принципах терминологической работы при создании тезаурусов для информационно-поисковых систем / Р. Ю. Кобрин // Научно-техническая информация. Сер. 2. — 1969. — № 6. — С. 1—9.
13. Головин, Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. — М. : Высшая школа, 1987. — 104 с.
14. Авербух, К. Я. Общая теория термина / К. Я. Авербух. — М. : Изд-во МГОУ, 2006. — 252 с.
15. Шелов, С. Д. Еще раз об определении понятия «термин» / С. Д. Шелов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2010. — № 4 (2). — С. 795 — 799.

16. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. — М.: ЛИБРОКОМ, 2009. — 256 с.

17. Новодранова, В. Ф. Методы когнитивного анализа в исследованиях языков для специальных целей / В. Ф. Новодранова // Вопросы терминоведения. — М.: МГПИ, 2012. — Вып. 1. — С. 87–90.

18. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. — URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 19.11.2013).

19. Ткачёва, Л. Б. Основные закономерности английской терминологии: моногр. / Л. Б. Ткачёва. — Томск: Изд-во ТГУ, 1987. — 200 с.

20. Кондратюкова, Л. К. Сокращения в терминологии английского языка: моногр. / Л. К. Кондратюкова, И. Н. Кубышко, В. И. Сидорова. — Омск: Омский научный вестник, 2010. — 57 с.

21. Философский энциклопедический словарь / Под ред. Е. Ф. Губского. — М.: ИНФРА-М, 2006. — 574 с.

КОСТЕРИНА Юлия Евгеньевна, аспирантка кафедры иностранных языков.

Адрес для переписки: kosterina77@mail.ru

КОНДРАТЮКОВА Людмила Казимировна, кандидат филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков.

Адрес для переписки: in.jaz_omgtu@mail.ru

Статья поступила в редакцию 25.11.2013 г.

© Ю. Е. Костерина, Л. К. Кондратюкова

УДК 811.134.2

К. О. МОСКАЛЕНКО

Пятигорский государственный лингвистический университет

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ В ТЕКСТАХ ИСПАНСКИХ ОБЪЯВЛЕНИЙ О ЗНАКОМСТВЕ, РЕАЛИЗУЮЩИЕ СТРАТЕГИЮ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ

В статье нами были рассмотрены основные коммуникативные тактики в текстах испанских объявлений о знакомстве, реализующие коммуникативную стратегию самопрезентации личности, которая является ключевой или базовой. Выбор адресантом тех или иных стратегий и тактик в самопрезентации или в запросе адресата прагматически оправдан и зависит от цели объявления.

Ключевые слова: самопрезентация, коммуникативные стратегии и тактики, гибридные мини-тексты.

Тексты объявлений о знакомстве (ОЗ) являются гибридными мини-текстами, так как находятся на стыке нескольких дискурсов: персонального, личностно-ориентированного, персуазивного, аксиологического, рекламного, медиадискурса и стратагемного. Мы рассматриваем тексты испанских ОЗ как стратагемные тексты, в которых реализуются различные коммуникативно-прагматические стратегии и тактики.

Под коммуникативными стратегиями и тактиками мы, вслед за О. С. Иссерс, понимаем: «Стратегия представляет собой план комплексного речевого воздействия, которое осуществляется говорящим для «обработки партнера <...> Речевой тактикой следует считать одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии ... в качестве инструмента реализации той или иной тактики выступают коммуникативные приемы более низкого порядка — коммуникативные (речевые ходы) [1, с. 102].

В текстах испанских ОЗ одной из основных стратегий является стратегия самопрезентации, от реализации которой зависит основная цель объявления: привлечь внимание нужного Объекта. В свою очередь, стратегия самопрезентации, которая используется в под-блоке «самопрезентация адре-

санта», реализуется посредством таких тактик, как (по аналогии с основными задачами *public relations* (общественные связи), представленные И. Л. Викентьевым):

- тактика само-позиционирования;
- тактика само-возвышения;
- тактика само-отстройки;
- тактика само-контррекламы [2, с. 146–176].

В силу вынужденной краткости объявления о знакомстве позволяют использовать какую-то одну (редко две) из перечисленных тактик в рамках одного обращения.

1. Тактика само-позиционирования. Позиционирование себя — это создание собственного образа, имиджа, который делает автора объявления для адресата минимально понятным, известным (а потому «неопасным») и отличным от других. В объявлениях о знакомствах позиционирование происходит двояко. Как действительное и как скрытое, например:

1) — *Separada, atractiva, 50 años, delgada, sin problemas, equilibrada, desea conocer hombre hasta 50 años, culto, inteligente y atractivo para relación estable. Madrid.*

2) — *Mujer de 35 años, guapa, bastante culta e inteligente, profesión liberal, busca hombre entre 35–40 años*

para posibles salidas con intento de relación estable. Madrid.

3) — Ana, 29 años, 1.65, sincera, sencilla, fiel, cariñosa, con ideas claras, gustando salir, cine, viajar. Busco chico similar, entre 29–33 años, soltero, en principio amistad. Madrid.

4) — Mujer Escorpio, 40 años, soltera, sencilla, no fumadora ni bebedora y gustando naturaleza, busca hombre serio, agradable, soltero o divorciado, para relación estable. Madrid.

5) — Lucia, 35 años, viuda con hijas, clase alta pero sencilla, noble, respetuosa, buena presencia. Busco hombre cariñoso, sensible, atento, en iguales condiciones, para en principio amistad. Madrid.

6) — Separado, 40 años, sin hijos, busca chica similar, entre 36–44 años, para bailar, pasear, cine, conocerse, amistad u posible relación. Madrid.

Как мы можем наблюдать, в примерах мужских и женских объявлений о знакомстве само-позиционирование, или создание своего собственного имиджа, происходит за счет перечисления подробностей своей биографии, которая может включать:

— семейное положение: *separada (разведена) (1), soltera (не замужем) (4), viuda con hijas (вдова с детьми) (5), separado (разведен) (6)*;

— возраст: *50 años (1), 35 años (2), 29 años, 40 años (4), 35 años (5), 40 años (6)*;

— физические характеристики (рост, вес) и внешние данные: *1.65 (3); delgada, atractiva (стройная, привлекательная) (1), guapa (красивая) (2), buena presencia (привлекательная внешность) (5)*;

— личностные характеристики: *equilibrada (уравновешенная) (1), bastante culta e inteligente (достаточно высок культурный и образовательный уровень) (2), sincera, sencilla, fiel, cariñosa, con ideas claras (искренняя, простая, ласковая и с четкими идеями) (3), sencilla, no fumadora ni bebedora (простая, не курю и не пью) (4), clase alta pero sencilla, noble, respetuosa (высокий социальный статус, но при этом простая, порядочная, уважительная) (5)*;

— увлечения и вкусы: *gustando salir, cine, viajar (любящий гулять, ходить в кино и путешествовать) (3), gustando naturaleza (любящий природу) (4)*.

Как нами было отмечено ранее, само-позиционирование происходит двояко — как действительное и скрытое. Перечисление всех фактов своей биографии относится к первому и отражает содержательно-фактуальную информацию. Скрытое само-позиционирование, в свою очередь, осуществляется благодаря содержательно-подтекстовой информации (примеры приведены выше).

2. Тактика само-возвышения, или пондеративная тактика (самовозвышающая), которая применяется в оценочных высказываниях, так как одной из функций объявлений о знакомствах является воздействие на адресата.

Данная тактика прагматически обоснована, ведь, для выполнения основной цели объявления (поиск партнера) адресант создает наиболее запоминающийся и привлекательный образ. Для этого адресант «приукрашивает» многие факты своей биографии, приписывая себе черты характера и внешности, наиболее приближенные к образу «идеального мужчины/женщины», характерному отдельно взятой культуре:

1) — *Busco a mi media naranja. Yo, 45 años, separado, siempre he creído en el amor y estoy abierto a ello. Madrid.*

2) — *Hombre casado busca un soplo del aire fresco en su vida. Valencia.*

3) — *Mujer. Si en tu vida sentimental, no eres feliz, estás sin alegría y cariño. A mi, hombre de 50 años, me pasa lo mismo. Escucha mensaje. Madrid.*

4) — *Casado atractivo y discreto desea conocer mujer para salir de la monotonía. Madrid.*

5) — *Príncipe de 27 años busca princesa entre 20–30 años, de Madrid, para relación estable. Madrid.*

6) — *Es difícil encontrar, es fácil perder y es imposible olvidar. Llámame. Madrid.*

7) — *Hombre de 45 años, congelado por el frío del invierno y del mundo, busca mujer para sentir los primeros días de primavera. Villanueva de la Cañada.*

8) — *La vida es una caja de sorpresas. Si tienes entre 47–52 años, equilibrado, culto, sentido del humor, sin cargas, podemos comunicarnos. Barcelona.*

9) — *Tengo un sueño: encontrar un compañero para hacer juntos el camino de la vida. Barcelona.*

Сравнивая то, как осуществляется адресантом задача само-возвышения в наших примерах, мы можем разделить объявления на:

1) объявления, в которых адресант пытается вызвать к себе интерес, намекая на трудную жизнь, подчеркивая, что не нашел еще свою любовь: *busco a mi media naranja, siempre he creído en el amor y estoy abierto a ello (ищу свою вторую половинку, я всегда верил в любовь и открыт для нее) (1)* — адресант подчеркивает, что он много ошибался, но до сих пор продолжает верить в настоящую любовь, которая обязательно возникнет, когда он встретит свою вторую половинку; *busca un soplo del aire fresco en su vida (ищет глоток свежего воздуха) (2), para salir de la monotonía (чтобы избавиться от монотонности жизни) (4)* — в этих примерах, адресант, уставший от однообразия семейной жизни, мечтает отдохнуть от рутины, глотнуть свежего воздуха, узнать что-то новое; *si en tu vida sentimental, no eres feliz, estás sin alegría y cariño (если ты не чувствуешь себя счастливым в личной жизни, ты лишен радости и тепла) (3)* — адресант указывает на отсутствие в его жизни того, что он считает самым важным, и что стремится найти; *congelado por el frío del invierno y del mundo, busca mujer para sentir los primeros días de primavera (замерзший от зимнего холода этого мира, ищет женщину, с которой сможет почувствовать первые дни весны) (7)* — адресант отправляет нас к пережитому в его жизни, к тому, как он разочаровался в этом мире, и устал от его безразличия;

2) объявления, в которых адресант напрямую или косвенно выражает свое собственное кредо: *príncipe de 27 años busca princesa entre 20–30 años (принц 27 лет ищет принцессу от 20 до 30) (5)* — адресант соотносит себя с образом «принца», что вызывает определенные ассоциативные связи с чертами личности, которые присущи «образу принца» — честного, храброго, порядочного, благородного человека; *es difícil encontrar, es fácil perder y es imposible olvidar (сложно найти, легко потерять и невозможно забыть) (6)* — этот пример, мы можем трактовать не только как кредо адресата «прожить любовь забыть невозможно», но и как намек на сложную жизнь, в которой он сталкивался с потерями и сложными жизненными ситуациями; *la vida es una caja de sorpresas (жизнь — это коробка с сюрпризами) (8)* — адресант подчеркивает, что относится к жизни легко, и ожидает от нее как хороших, так и плохих подарков, самые сложные ситуации и непростые моменты жизни адресант рассматривает как возможность учиться чему-то; *tengo un sueño: encontrar un compañero para hacer juntos el camino de la vida (у меня есть мечта — найти спутника жизни,*

с которым мы пойдём вместе по жизненному пути) (9) — в кредо адресанта заключен запрос адресата — те, кто имеет такую же мечту, должен ответить на данный призыв.

3. Тактика само-отстройки. Или, иначе, выделение собственного «имиджа» на фоне конкурентов. Большинство авторов объявлений не задумывается над этой тактикой и пишет о наболевшем (повторяя отдельные речевые штампы), как если бы их обращение было единственным в рубрике. Адресант реализует задачу само-отстройки, задавая некие критерии или эталоны, например:

1) — *Quizás seamos almas gemelas, quien sabe... Chica, 40 años, alta, rubia, guapa, atractiva, deportista, romántica, desea relación con señor hasta 50 años, educado, culto, hogareño, sin vicios, trabajador. Fines matrimoniales. Toda España.*

2) — *Mujer de 40 años busca hombre capaz de enseñar lo que es la vida, sinceridad, amor y compañerismo. Madrid.*

3) — *Sólo para mujeres que sepan disfrutar de la dulzura y la pasión. Chico atractivo desea relaciones esporádicas con mujeres. Nadrid.*

В первом примере адресант описывает себя (не описывая адресата), но заранее оговаривается *Quizás seamos almas gemelas, quien sabe* (возможно, мы родственные души, кто знает), то есть адресату нужно соответствовать чертам характера адресанта (чтобы быть его родственной душой); во втором примере адресант подчеркивает основное качество будущего партнера: *busca hombre capaz de enseñar lo que es la vida* (ищет мужчину, способного показать, что такое настоящая жизнь); в третьем примере адресант выделяет, какие именно женщины его интересуют (по какому критерию) *Sólo para mujeres que sepan disfrutar de la dulzura y la pasión* (только для женщин, которые умеют наслаждаться нежностью и страстью).

Само-отстройка адресанта осуществляется и благодаря использованию лозунгов или деклараций:

1) — *José, 38 años, separado. Crees en el amor? Yo, sí. Busco chica entre 30–38 años para fines serios. Escucha mi mensaje, animate, no pierdes nada. Madrid.*

2) — *«Dicen que el amor no tiene cura, pero que es la medicina que cura muchos males». Busco hombre sobre 50 años, universitario, con fines de amistad y el tiempo dirá lo que ocurre. Madrid.*

3) — *Dónde estás, Amor? Quién eres? Ya que el destino no te trae a mí, te busco en este rincón. Yo, 40 años, llenos de ilusión. Barcelona.*

Мы видим, что в приведенных примерах адресант использует различные лозунги (то, чем он руководствуется): *Creer en el amor? Yo, sí* (ты веришь в любовь? Я — га) (1) — адресант ищет настоящую любовь; *«Dicen que el amor no tiene cura, pero que es la medicina que cura muchos males»* (говорят, что от любви нет лекарства, но любовь — это лекарство, которое лечит от многих болезней) (2) — адресант выражает свое отношение к любви, для него это не-

что, что способно излечить и спасти, что позволяет охарактеризовать адресата как натуру романтическую; *Dónde estás, Amor? Quién eres? Ya que el destino no te trae a mí, te busco en este rincón* (Где ты, любовь? Так как судьба тебя не дарит мне, я ищу тебя через объявление) (3) — мы можем охарактеризовать адресанта как решительную личность, которая не привыкла полагаться на судьбу, а добивается всего сама.

Тактика само-отстройки может быть осуществлена практически в любом объявлении: когда адресант характеризует себя или адресата, создавая особый стиль своего объявления. Все будет зависеть от того, будет ли текст объявления выделяться на фоне других.

4. Тактика само-контррекламы. На языке public relations это означает преднамеренное снижение имиджа. Если говорить о саморекламе в объявлениях о знакомстве, то заниматься там контррекламой просто нет необходимости. Именно в силу многочисленности трудно представить, что некто задается целью сделать антирекламу. Тем не менее попытка решать эту задачу все же предпринимаются. Среди испанских объявлений о знакомствах был выявлен один пример. Данный вид самопрезентации не близок испанской целевой аудитории, поэтому он не так активно используется:

— *Chico bajo, calvo, gordo, feo y con mal aliento busca chica de bien físico. Madrid.*

В примере адресант преднамеренно снижает свой имидж, пытаясь, таким образом, выделиться на фоне конкурентов: *chico bajo, calvo, gordo, feo y con mal aliento* (парень низенький, лысый, толстый, страшный, с запахом изо рта) — [мы склонны считать это объявление ироничным (ирония — как один из способов создания запоминающегося образа)].

Успешная реализация одной или нескольких тактик стратегии самопрезентации позволяет адресанту создать яркий и запоминающийся образ, который выделяется на фоне конкурентов и с помощью которого Субъект может добиться поставленной цели: привлечь Объект, который соответствовал бы его ожиданиям.

Библиографический список

1. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Омск, 1999. — С. 102, 110, 114.
2. Викентьев, И. Л. Приемы рекламы и public relations / И. Л. Викентьев. — СПб.: Триз-Шанс, 1995. — 228 с.

МОСКАЛЕНКО Карина Олеговна, преподаватель кафедры практики межкультурного общения института международного сервиса, туризма и иностранных языков.

Адрес для переписки: lavidaloca@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 29.10.2013 г.

© К. О. Москаленко